

15-го Января

№ 2.

1865 года.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ
СВЯТѢЙШАГО СѦНОДА.

Государь Императоръ Высочайше соизволилъ утвердить опредѣленіе Святѣйшаго СѦнода о дозволеніи находящемуся въ Россіи іеромонаху болгарскаго монастыря св. великомученицы Параскевы Герасиму продолжать сборъ подаяній на учрежденіе при упомянутомъ монастырѣ духовнаго училища еще въ теченіи года.

— По опредѣленію Святѣйшаго СѦнода, $14\frac{1}{26}$ августа 1864 года, внесено было въ комитетъ министровъ представленіе о сохраненіи священнику херсонскаго уѣзда, мѣстечка Бѣлозерни, *Николаю Потапенко* пенсіи, заслуженной имъ въ военномъ званіи. Нынѣ, выпискою изъ журналовъ сего комитета, отъ 18 прошлаго ноября за № 9280, дано знать, что на сохраненіе священнику Потапенко назначенной ему за военную службу пенсіи, въ размѣрѣ 71 р. 66 к. въ годъ, комитетъ испрашивалъ, согласно съ ходатайствомъ Святѣйшаго СѦнода, Всемилостивѣйшее соизволеніе Его Императорскаго Величества, и что на журналѣ комитета послѣдовала въ 13 день прошлаго ноября собственноручная Его Императорскаго Величества резолюція: «Согласенъ».

— Святѣйшій Синодъ, согласно ходатайству епархіальнаго начальства, разрѣшилъ сдѣлать распространеніе и перестройку церкви, во имя Пресвятыя Богородицы, Радости скорбящихъ, въ г. Николаевѣ, по Высочайше утвержденному проекту.

— Святѣйшій Синодъ, слушавъ дѣло о дозволеніи вино-торговцамъ продолжать продажу питей до окончанія срока, на основаніи выданныхъ на сію продажу патентовъ, въ заведеніяхъ, кои открыты на церковныхъ земляхъ прежде изданія министерствомъ финансовъ циркуляра, отъ 10 марта 1864 г. за № 532, *опредѣлилъ*: принимая во вниманіе, что безотлагательное исполненіе состоявшагося по заключенію Святѣйшаго Синода циркуляра министерства финансовъ, отъ 10 марта за № 532, воспреещающаго устроить питейныя заведенія на церковныхъ земляхъ, можетъ причинить содержателямъ сихъ заведеній значительные убытки безъ всякой съ ихъ стороны въ томъ вины, Святѣйшій Синодъ находитъ возможнымъ, въ видѣ снисхожденія къ симъ торговцамъ, дозволить имъ открытыя до изданія означеннаго циркуляра питейныя заведенія на церковныхъ земляхъ содержать на оныхъ до 1 января 1865 года съ тѣмъ, чтобы съ 1 января означеннаго года ни одно питейное заведеніе на церковной землѣ допускаемо болѣе не было, и зданія, занимаемыя сими заведеніями, были отданы въ другія арендныя содержанія, закономъ разрѣшенныя.

II. РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Города Одессы, Благовѣщенской церкви, что при женскомъ благотворительномъ обществѣ, состоящій на вакансіи

дьячка, діаконъ *Іоаннъ Вадзинскій*, и Петропавловской ц., діаконъ, состоящій на вакансіи дьячка, *Петръ Аушевъ*, перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

Діаконъ *Василій Zubовскій* опредѣленъ на вакансію дьячка, бобринецкаго уѣзда въ селеніе Малую Выску, къ Покровской ц.

Уволенный изъ высшаго отдѣленія Семинаріи, сынъ умершаго протоіерея Іоанна Родостата, — *Константинъ*, согласно его прошенію, уволенъ изъ духовнаго званія въ свѣтское.

Поселянкѣ селенія Константиновки, *Маріи Чернеговой*, за побѣгомъ мужа ея Алексѣя Чернеги, дозволено вступить въ новое супружество, по избранію, съ безпрепятственнымъ лицомъ, а ему Алексѣю Чернегѣ, если бы пойманъ былъ, или самъ явился изъ укрывательства, опредѣлено оставаться навсегда въ безбрачномъ состояніи.

Крестьянкѣ бобринецкаго уѣзда, селенія Аннинска, *Теоодосіи Лукьяновой Польшовой*, за побѣгомъ мужа ея Тараса Польшовы, дозволено вступить въ новое супружество съ безпрепятственнымъ лицомъ, а Тарасу Польшодѣ, если бы явился изъ отлучки, или пойманъ былъ, опредѣлено оставаться навсегда въ безбрачномъ состояніи.

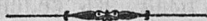
III. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

а) О ПОЖЕРТВОВАНІЯХЪ.

Николаевскій 2 гильдіи купецъ *Иванъ Курчатовъ*, въ Николаевскую единовѣрческую Богородичную церковь, въ разное время, сдѣлалъ пожертвованій на 678 руб.

б) О ВАКАНТНЫХЪ МѢСТАХЪ.

Праздны мѣста тѣже, которыя показаны въ № 1 Епархіальныхъ Вѣдомостей.

ОБЪ ИЗДАНИИ

ЯРОСЛАВСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ

Ярославскія Епархіальныя Вѣдомости будутъ издаваться и въ 1865 году по той же программѣ, по которой издавались въ предшествовавшія пять лѣтъ.

Официальною частію будетъ завѣдывать нынѣшній редакторъ Вѣдомостей, секретарь консисторіи, Аполлинарій Крыловъ; редакція же неофициальной части передается съ 1865 года учителю семинаріи Алексѣю Яновскому.

Цѣна за годовое изданіе Вѣдомостей остается прежняя—четыре рубля серебромъ.

Подписка принимается въ Редакціи, при Духовной консисторіи, въ г. Ярославлѣ.

Редакторы: А. Крыловъ и А. Яновскій.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

Большинству читающихъ людей западной Россіи, конечно, извѣстно, что редакція «Вѣстника западной Россіи» перенесла свое мѣстопробываніе изъ Кіева въ Вильну. Это переселеніе возлагаетъ на редакцію, если не новыя, то, по-

крайней мѣрѣ, преимущественныя обязанности. Не упуская изъ виду и юго запада Россіи, она теперь должна обратить особенное вниманіе на исторію и этнографію сѣверо-западной Россіи. Сознавая неотложность этой обязанности, редакція «Вѣстника» сознаетъ и трудность ея выполненія — безъ сторонней помощи, безъ сочувствія ея дѣлу, безъ содѣйствія рѣшенію ея задачи всѣхъ просвѣщенныхъ патріотовъ западной Россіи. Трудность эта удваивается отъ того, что ученія богатства края разбѣяны на территоріи около 1000 квадратныхъ верстѣ и по большей части таятся въ архивахъ монастырей, церквей и частныхъ лицъ.

Эти обстоятельства поставили въ необходимость редакцію «Вѣстника» обратиться ко всѣмъ любителямъ просвѣщенія вообще и исторіи западной Россіи въ частности, — съ покорнѣйшею просьбою — помочь ей, по мѣрѣ своихъ средствъ, въ болѣе успѣшномъ рѣшеніи задачи «Вѣстника западной Россіи» и дѣлиться съ нею, какъ готовыми матеріалами историческими, такъ равно и статьями своего сочиненія, подходящими подъ программу «Вѣстника», и мѣстными наблюденіями — этнографическими, каковы: сравненіе прежняго быта народнаго съ настоящимъ, нравы, обычаи, повѣрья и суевѣрія народныя, мѣстные праздники, крестные ходы, описанія замѣчательныхъ церквей, монастырей, иконъ, разныхъ памятниковъ русской старины, жизнеописанія мѣстнотимыхъ святыхъ и другія особенности различныхъ мѣстностей западной и юго-западной Россіи.

Изъ матеріаловъ историческихъ, редакція приметъ съ удовольствіемъ не только грамоты, универсалы и декреты польскихъ королей и другихъ лицъ и мѣстъ, касающіеся запада Россіи, но и фундушевыя записки и эрекціи на владѣніе церквами православными, разными землями и угодіями, —

документы, изъ которыхъ видно, что земли, находящіяся теперь во владѣніи польской шляхты, принадлежали нѣкогда людямъ русскимъ, или обращены въ собственность шляхты путемъ захвата и насилія, — выписи изъ метрическихъ книгъ и помянниковъ, доказывающія древнее православіе лицъ, совратившихся или совращенныхъ насиліемъ впослѣдствіи въ папизмъ, — и другіе матеріалы историческіе, проливающіе новый свѣтъ на исторію западной и юго-западной Россіи, между-народныя отношенія русскихъ къ полягамъ, доказывающіе, что хозяева въ этомъ краѣ — русскіе, а поляки — либо ренегаты, либо пришлецы.

Всѣ въ этомъ родѣ документы редакція желала бы получать или въ подлинникахъ, — за цѣлость и возвращеніе къ своему источнику которыхъ она отвѣчаетъ, — или въ буквальныхъ копіяхъ *), посвидѣтельствованныхъ лицами авторитетными и административными **).

Само собою — редакція не ограничится одною моральною благодарностію своихъ сотрудниковъ, но сочтетъ себя обязанною препроводить и приличный гонорарій тѣмъ изъ нихъ, которые заявятъ желаніе получить его. Этотъ гонорарій можетъ состоять или въ отискѣ извѣстнаго количества экземпляровъ отдѣльными брошюрами статьи, напечатанной въ «Вѣстникѣ западной Россіи», или въ полученіи извѣстнаго количества экземпляровъ «Вѣстника», или, наконецъ, въ денежномъ вознагражденіи. Въ семъ послѣднемъ

*) Копіи должны быть буквальныя, т. е. съ соблюденіемъ всѣхъ орфографическихъ ошибокъ и особенностей подлинника.

**) Редакція находитъ неудобнымъ возвращать обратно присланнымъ статьи и копіи матеріаловъ; но этимъ она не лишаетъ ихъ права получать въ редакціи эти статьи и копіи лично, или чрезъ своихъ повѣренныхъ.

случаѣ, редакція, для своихъ соображеній, желаетъ, чтобы сотрудники ея, препровождая статьи въ редакцію, объявляли въ своихъ отношеніяхъ цифру гонорарія, какой они желали бы получить.

Редакція «Вѣстника» общаетъ (какъ сказано въ объявленіи о перенесеніи ея въ Вильну) платить тѣмъ, кто желаетъ получать денежный гонорарій, отъ 25 — 50 руб. (судя по достоинству статьи), за печатный листъ оригинальной статьи; отъ 6 — 15 руб. *) за печатный листъ перевода, и отъ 5 — 10 руб. отъ того же листа — за документы историческіе. Если въ этихъ документахъ будутъ палеографическія, историческія или филологическія примѣчанія, редакція будетъ вознаграждать за нихъ по расчету, какъ за трудъ оригинальный.

Вышла и раздается подписчикамъ 3-я книжка

ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

Условія подписки: «Вѣстникъ западной Россіи» на 18⁶⁴/₆₅ годъ выходитъ, съ іюля 1864 года по іюль 1865 года, ежемѣсячно—книжками отъ 13—15 листовъ обыкновенной печати.

Подписка принимается: въ Вильнѣ, въ редакціи журнала и въ конторѣ его, при книжномъ магазинѣ г. Сенковскаго. въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ А. Θ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Ольхиной, и въ книжномъ магазинѣ С. И. Литова,

*) За «годные къ печати» переводы съ языковъ польскаго и древне-славянскаго редакція будетъ платить отъ 6—10, а съ другихъ языковъ — отъ 10—15 рублей съ печатнаго листа.

на углу Невскаго проспекта и Малой Садовой; въ Москвѣ, въ конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ А. Н. Оерапонта, на Никольской улицѣ, во флигелѣ заикопоспасаго монастыря, у книгопродавца Черенина; на Никольской улицѣ у книгопродавца И. В. Базунова; въ Кіевѣ, въ конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ С. И. Литова; въ Варшавѣ, у книгопродавца Дутова, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Цѣна «Вѣстника» за годъ.

Для жителей Вильны, безъ доставки 6 руб. 50 коп., съ доставкою на домъ 7 руб. 50 коп., а съ пересылкою во всѣ города имперіи 8 руб.

Гг. иногородніе благоволятъ относиться съ своими требованіями исключительно въ редакцію журнала «Вѣстникъ Западной Россіи», въ Вильну.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать редактору-издателю «Вѣстника» Ксенофонту Антоновичу Говорскому, въ Вильну.

Для желающихъ выписать «Вѣстникъ» за истекшіе годы дѣлается уступка: за $18^{62/63}$ годъ, для жителей Вильны по 5 р. 50 к., для иногороднихъ по 6 руб. 50 к., за $18^{63/64}$ годъ — для первыхъ по 6 руб., для послѣднихъ по 7 р. 50 к., съ пересылкой.

Редакторъ-издатель *К. Говорскій*. Редакторъ-сотрудникъ *И. Эремичъ*.

БЕСѢДА 4-я

Высокопреосвященнѣйшаго Димитрія, архіепископа херсонскаго
и одесскаго, на вечерній 140^й псаломъ.

*Положи, Господи, храненіе устамъ моимъ,
и дверь огражденія о устнахъ моихъ.*

Ничто такъ не вредить молитвенному расположенію духа нашего, ничто такъ не угашаетъ священнаго огня благоговѣйныхъ чувствованій нашихъ предъ Богомъ; ничто такъ не враждебно духу умиленія и покаянія, какъ склонность къ многорѣчію и празднословію. Посему-то слово Божіе такъ часто внушаетъ намъ *положить словесамъ своимъ вѣзъ и мълву, сотворить устамъ своимъ дверь и завору*; такъ сильно обличаетъ языкъ *велерѣчивый*, называя его *льпотою неправды, неудержимымъ зломъ, исполненнымъ яда смертоноснаго, оскверняющимъ все тѣло*. Посему-то и св. Давидъ, умоляя Господа—*да исправится молитва его* предъ Нимъ, молится вмѣстѣ съ тѣмъ и о томъ, чтобы Самъ Господь, Своею благодатною силою, удержалъ это неудержимое зло, — *положилъ храненіе устамъ его и дверь огражденія о устнахъ его*.

Даръ слова, бр. мой, есть одинъ изъ самыхъ высшихъ даровъ, которыми украсилъ Господь человѣка. Слово чело-

вѣческое есть образъ того всемогущаго, животворящаго вѣ-
стаснаго Слова Божія, *имже вся быша*, которое *носитъ*
всяческая славою силы Своея, которое есть *путь, исти-*
на и животъ. Посему злоупотребленіе слова, и само по
себѣ, есть тягчайшій грѣхъ, какъ злоупотребленіе величай-
шаго дара Божія, попраніе и поруганіе Божественнаго обра-
за, и бываетъ источникомъ безконечнаго множества золъ,
которыя тѣмъ скорѣе могутъ погубить насъ и сдѣлать без-
отвѣтными на судѣ Христовомъ, чѣмъ легкомысленнѣе смо-
тримъ мы на грѣхи языка нашего, не чувствуя всей ихъ тяже-
сти, не созная того, какъ тяжело оскорбляемъ и прогнѣ-
вляемъ ими Бога, какое, ничѣмъ неисправимое, зло дѣлаемъ
нашимъ ближнимъ, и какъ тяжело грѣшимъ противъ соб-
ственнаго богоподобнаго естества.

Склонность къ многорѣчію, какъ и всякая естественная
склонность, у невоздержныхъ на слово, мало по малу,
обращается въ неудержимую привычку и въ необузданную
страсть, которая, какъ и всякая другая страсть, уже сама
по себѣ преступна и незаконна, и тѣмъ болѣе достойна
осужденія, что унижаетъ человѣка, опустошаетъ его душу
и сердце и дѣлаетъ его неспособнымъ ни къ чему доброму.
У человѣка скромнаго и молчаливаго душа бываетъ полна
добрыхъ мыслей и чувствованій, крѣпка и сильна на всякое
дѣло благое. И чѣмъ болѣе сокрываетъ онъ въ сердцѣ своемъ
добрыхъ впечатлѣній, чѣмъ болѣе углубляетъ внутрь себя
что слышитъ и видитъ добраго, въ храмѣ ли Божиемъ, или
въ душеполезныхъ бесѣдахъ и чтеніи; тѣмъ болѣе умно-
жается внутреннее его богатство, тѣмъ скорѣе онъ чув-
ствуетъ потребность излить душу свою предъ Богомъ въ
молитвѣ. Если же является нужда бесѣдовать съ другими,
то онъ передаетъ свое внутреннее сокровище въ словѣ на-

зиданія, утѣшенія, наученія въ дѣлахъ любви и благово-
ренія. Не то бываетъ съ многорѣчивымъ. Ничто доброе не
удержится и не укоренится въ душѣ его; все разносится
неудержимымъ языкомъ его повсюду, все разсѣвается какъ
по вѣтру. Оттого душа и сердце его всегда пусты, всѣ
слова и дѣла его легкомысленны, необдуманны, опрометчивы,
и справедливо называютъ такихъ людей — пустыми. Чтобъ
наполнить чѣмъ-либо пустоту души своей, онъ бросается на
всякое зрѣлище, съ жадностію собираетъ всякіе слухи, со
всѣхъ сторонъ старается ловить разныя вѣсти; — и все
для того, чтобы дать работу своему необузданному языку,
чтобъ удовлетворить страсти своей къ многословію. Вотъ
отчего привыкшій къ пустословію не способенъ ни къ ка-
кому занятію, требующему вниманія и усилія, ни къ какому
доброму дѣлу, для котораго требуется сила воли и харак-
тера. Придетъ ли же ему охота молиться? Способенъ ли
онъ вознести умъ и сердце свое безраздѣльно къ единому
Богу? Гдѣ взять ему благоговѣйныхъ мыслей и чувство-
ваній, достойныхъ чистѣйшаго слуха Божія, когда сердце
его пусто, и душа его открыта для всякаго вѣтра, когда
мысли его блуждаютъ повсюду, не останавливаясь ни на
чемъ? Откуда придетъ ему благое слово молитвы, когда
языкъ его привыкъ переливать одни пустыя и праздыя
слова?

Но страсть къ празднословію, бр. мои, тѣмъ преиму-
щественно пагубна, что скоро перерождается въ страсть къ
злорѣчію, осужденію и оклеветанію. О чемъ такъ пріятно и
увлекательно можно рассказывать, какъ не о происшествіяхъ
соблазнительныхъ? Гдѣ лучше показать свое остроуміе,
какъ не въ осмѣяніи мнимыхъ недостатковъ ближняго?
Чѣмъ лучше показать мнимое чувство своего достоинства,

какъ не униженіемъ другихъ? Какъ лучше представить изъ себя героя добродѣтели, какъ не осужденіемъ всѣхъ и каждаго? Гдѣ въ лучшемъ свѣтѣ показать свое сердоболіе и состраданіе, какъ не въ мнимомъ сожалѣніи о кажущихся ему ошибкахъ и заблужденіяхъ, порокахъ и проступкахъ другихъ людей? Само собою разумѣется, что во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло не можетъ обходиться безъ явной лжи. Гдѣ взять столько предметовъ для остроумныхъ бесѣдъ, сколько ихъ нужно для празднословія? Надобно изобрѣтать и выдумывать. И будетъ ли веселье и занимательность правдивый рассказъ, если не прикрасить его ложью? И вотъ охотникъ до празднословія становится лжецомъ, злорѣчивымъ клеветникомъ, осуждающимъ всѣхъ и каждаго. Достоинъ ли такой человѣкъ предстать предъ лицомъ Бога истины и правды, милосердія и человеколюбія? Изъ такой души какая можетъ выйти молитва, кромѣ молитвы Фарисея — самолюбивой и тщеславной, самодовольной и соединенной съ осужденіемъ и униженіемъ ближняго? Можетъ ли исходить благословеніе изъ тѣхъ устъ, изъ которыхъ исходитъ злословіе, осужденіе и клятва? Не будетъ ли каждое слово молитвы его явная ложь предъ Богомъ? Не обратится ли самая молитва его въ тягчайшій грѣхъ и оскорбленіе величія Божія?

Тѣмъ менѣе можно ожидать отъ привыкшаго къ празднословію истиннаго покаянія, умиленія и сокрушенія сердечнаго. Привыкши легкомысленно и думать и говорить обо всемъ, онъ также легкомысленно смотритъ и на свои заблужденія и пороки, и съ тѣмъ же легкомысліемъ исповѣдуетъ ихъ предъ Богомъ, съ какимъ иногда рассказываетъ объ нихъ въ кругу своихъ пріятелей. Да и можетъ ли онъ сознать въ себѣ какой-либо болѣе сокровенный грѣхъ,

когда не сознаеть явнаго для всеѣхъ грѣха своего — празднословія и злословія? Откуда родится у него чувство умиленія, когда душа его привыкла къ одному пустословію и смѣхотворству? Откуда возмутся у него слезы сокрушенія сердечнаго, когда отъ сердца его исходятъ только помышленія злая, осужденіе, суесловіе и злословіе? *Еда источникъ отъ единаго устїя источаетъ сладкое и горькое?* Можетъ ли родиться страхъ Божій въ его совѣсти, не знающей стыда и страха человѣческаго? Какъ можетъ онъ просить и ожидать прощенія отъ Бога, когда похитилъ у Него санъ Судїи помышлений и дѣяній человѣческихъ, и самъ сдѣлался неумолимымъ судією своихъ братїй? *Имже бо судомъ судиши, себѣ осуждаеши,* — говоритъ ему слово Господне. Чѣмъ загладитъ онъ то неисчислимое зло, которое порождено въ обществѣ его безумными рѣчами? Чѣмъ искупить онъ многія души, растлѣнныя его соблазнительными разсказами, увлеченныя къ злорѣчію и осужденію его бесѣдами, лишенныя невинности и страха Божїя его кощунными и богохульными словами? *Кровь брата твоего вопїетъ ко мнѣ,* скажетъ ему Господь Богъ, *и крове его отъ рукъ твоихъ изыщу!*

Вотъ къ чему можетъ привести, братъ, невинное, по видимому, въ началѣ своемъ многорѣчіе и празднословіе! *Се малъ огонь, и колицы вещи сожиааетъ? И языкъ огонь, льпота неправды, водворяется во удѣхъ нашихъ, опаляяи коло рожденія нашего, попаляяи отъ гевны: неукротимо бо зло, исполнь яда смертоносна.* Противъ такого врага нужно вооружиться всѣми силами; отъ такого измѣнника, каковъ языкъ нашъ, должно принимать всѣ мѣры осторожности. Для сего лучшее средство есть постоянное трудолю-

біе. Господь Богъ заповѣдалъ падшему человѣку трудъ, — съ одной стороны, какъ наказаніе, съ другой — какъ средство къ очищенію и исправленію. Кто постоянно занятъ дѣломъ, у того нѣтъ времени для празднословія, у того мысль сосредоточивается въ самой себѣ, тому некогда смотрѣть за тѣмъ, что дѣлають другіе. Кто постоянно трудится, тотъ болѣе сознаеть и чувствуетъ собственную немощь, тотъ скорѣе и охотнѣе обращается съ молитвою къ Богу — всемогущему Помощнику. Всѣ виды празднословія и злорѣчія суть порожденія праздности, которую справедливо называютъ матерью всѣхъ пороковъ.

Другое средство къ избѣжанію празднословія есть уединеніе, углубленіе въ самого себя, и происходящее отъ сего самоосужденіе. *Аще бо быхомъ себе рассууждали, не быхомъ осуждени были*, говоритъ св. Апостоль. Для сего нѣтъ крайней необходимости убѣгать въ пустыни. Собственный домъ каждаго — вотъ его пустыня! Съ домашними нѣтъ нужды рассууждать о томъ, что дѣлается внѣ дома, — и нѣтъ предмета для праздныхъ и пустыхъ разговоровъ. Собственное дѣло каждаго можетъ остановить его вниманіе, сосредоточить его мысли и породить ту молчаливую бесѣду съ самимъ собою, которая есть цѣль и плодъ уединенія. Тогда невольно заградятся уста, и будетъ вѣщать одно сердце; умолкнуть и всѣ чувства, и возбудится и будетъ говорить совѣсть. Тогда-то, возлюбленный братъ, возведи умъ твой къ Богу, и воздохни къ Нему сердцемъ твоимъ: да оградить Онъ слухъ твой отъ пустыхъ и душевредныхъ бесѣдъ, да охранить душу твою отъ мечтаній и помышленій лукавыхъ, да соблюдетъ сердце твое въ страхѣ Своемъ; да дастъ тебѣ *зрѣти своя прегрѣшенія и не*

осуждати брата твоего; да удержишь языкъ твой отъ всякаго слова празднаго, о немъ же воздадутъ чловѣцы слово въ день суда. Положи, Господи, храненіе устамъ моимъ, и дверь огражденія о устнахъ моихъ!
Аминь.

ОЩУЩЕНІЯ И МЫСЛИ ПРИ ВИДѢ ІЕРУСАЛИМА *).

(Воспоминанія архимандрита, нынѣ епископа, Сѳоніи.)

Около 7 часовъ утра, 26 іюня (1850 г.), съ послѣдней возвышенности показался наконецъ Іерусалимъ. Трудно передать эту минуту въ жизни моей, когда я впервые взглянулъ на городъ, столь многознаменательный и священный для сердца вѣрующаго. Преизбытокъ кипѣвшихъ во мнѣ сильныхъ и хаотическихъ ощущеній отнималъ всякую возможность замѣтить, что происходило въ душѣ моей въ то мгновеніе, когда блуждавшій взоръ мой остановился на огромной и сплошной массѣ разнообразныхъ зданій, больше

*) Эта статья уже была печатана въ мартовской книжкѣ «Христіанскаго чтенія», за 1851 годъ; но тогда она вовсе не предназначалась къ печати, и напечатана случайно. Тогда она взята была цѣликомъ изъ черновыхъ путевыхъ записокъ, и послана была въ видѣ частнаго письма къ одному изъ знакомыхъ, жившему въ Петербургѣ, въ видахъ подѣлиться съ нимъ впечатлѣніями путешествія по Палестинѣ, а тотъ сообщилъ ее въ редакцію означеннаго журнала. Теперь она пересмотрѣна и дополнена, сколько позволяло время и служебныя занятія. Итакъ, при предполагаемомъ изданіи особою брошюркою всей *поездки на Іорданъ*, которая печаталась въ здѣшнихъ Вѣдомостяхъ, предполагается присоединить къ статьямъ *поездки* и эту статью: посему неизлишнимъ признано напечатать предварительно въ сихъ же Вѣдомостяхъ и ее на ряду съ другими, какъ статью послѣднюю и заключительную.

чѣмъ до половины прикрытыхъ каменною стѣною. Одно лишь помню, что я трепеталъ всѣми членами изнуреннаго отъ пути тѣла, и въ порывѣ увлекавшихъ меня чувствъ крестился и многократно повторялъ: вотъ Иерусалимъ! вотъ градъ Божій! Крупныя слезы потокомъ лились по моему запыленному лицу, и въ этотъ моментъ составляли все для меня—и мысли, и чувства, и желанія, и молитву, и самую жизнь. О, это были слезы не *печали міра сего, но печали яже по Бозь* (2 Кор. 7, 10), и проистекали не отъ сознанія только моихъ безмѣрныхъ грѣховъ и беззаконій, но и отъ сознанія безмѣрной милости и крайняго снисхожденія Божія къ моему недостоинству. Цѣль моихъ давнихъ и пламенныхъ желаній была предъ глазами. Не безъ боязни, но и не безъ радости смотрѣлъ я на градъ святой, какъ на домъ отчий, имѣвшій принять подъ кровъ свой и меня, какъ блуднаго сына, приходящаго изъ страны далекой. Спустившись на землю, я тотчасъ же преклонилъ колѣна и, исповѣдуясь Господеви втайнѣ сердца своего, молился, читая въ себѣ псаломъ покаянный. Сокрушенный духъ мой вмѣстѣ съ тѣломъ повергался въ прахъ предъ Тѣмъ, Который, Единъ вѣдая все множество грѣховъ моихъ, Единъ могъ и окропить меня росою Своея благодати, очистить и *ублнить грѣхи мои яко снѣгъ и яко волну*, — повергался въ смущеніи и скорби, но съ полнымъ упованіемъ на множество Его щедротъ и милости. И прежде, въ безмѣрной любви, по коей Богъ послалъ въ міръ Сына Своего, я всегда видѣлъ вѣрный залогъ милосердія Божія къ моимъ немощамъ и неправдамъ. Но теперь, при видѣ высоты, на коей открылось предъ очами всей вселенной это неизглаголанное таинство любви Божіей къ грѣшникамъ, — на коей, во искупленіе грѣховъ чловѣчества всѣхъ вѣковъ, вознесенъ былъ на

крестъ, какъ злодѣй, Единородный Сынъ Отца Небеснаго,— при видѣ этой высоты и при мысли, что я, дивнымъ смотрѣніемъ Божиимъ, удостоиваюсь поклониться крестному подножію божественнаго Страдалца,—этотъ залогъ становился для меня осязательнымъ до того, что мнѣ оставалось только благодарить, въ духѣ смиренія, моего Спасителя, и радоваться надеждою помилованія и спасенія.

Съ продолженіемъ пути и по минованіи во мнѣ первыхъ движеній мысли и чувства, лежавшая предъ глазами перспектива мало по малу стала раскрываться, и я началъ различать предметы яснѣе. Теперь открылось, что городъ былъ видѣнъ далеко не весь, и представлялся не всею площадью своего довольно правильнаго параллелограмма, а только сѣверо-западнымъ угломъ его, раскинутымъ по отлогому скату обширнаго возвышенія: представлялся не столько тѣмъ, что въ немъ заключалось, сколько тѣмъ, что его исключало и закрывало, т. е. одною почти зубчатою стѣною, довольно высокою и благовидною, мѣстами понижавшеюся, сообразно съ положеніемъ земли, но всегда равною себѣ по высотѣ, и непрерывно опоясующею городъ со всѣхъ сторонъ. По угламъ стѣны и на срединахъ боковъ ея выдавались и возвышались четыре гранныя башни съ амбразурами, а изъ-внутри города, поверхъ зубцовъ, красовались на свѣтлой лазури неба, остроконечныя минареты и куполовидныя верхи зданій христіанскихъ и мусульманскихъ.

Спутники мои были далеко позади меня; это давало мнѣ возможность еще пріостановиться, чтобы лучше всмотрѣться въ живую, но неподвижную панораму зданій, по мѣстамъ уже выдѣлявшихся изъ общей одноцвѣтной массы камня, но большею частію еще сливавшихся въ безраздѣльныя и безвидныя пестрыя груды. Я остановился и смо-

трѣль долго: сердце мое билось легче и спокойнѣе; предстоявшія мнѣ молитвенныя поклоненія и богослуженія при гробѣ Господнемъ и на Голгоѣѣ радовали духъ мой. За всѣмъ тѣмъ я чувствовалъ, что на меня навѣвало какою-то какъ бы грустію. Собственно говоря, это не была та грусть безотрадная, которая, снѣдая душу, сжимаетъ и леденитъ грудь, но грусть, которая, умиля духъ, умягчаетъ и согрѣваетъ сердце, и предрасполагаетъ къ тихому и сладкому плачу. День былъ ясный; на синевѣ небесной не видно было ни одного облачка, ни одной тѣни. Свѣтозарное солнце,— *сосудъ дивенъ, дѣло Вышняго* (Сир. 39, 1. 2), непримѣтно движась по своей вѣчной орбитѣ, восходило выше и выше. Оно стояло уже между величественнымъ Елеономъ, рисовавшимся по лѣвую сторону города, и св. Сіономъ, примыкавшимъ къ нему справа. Ярko горящія лучи его, наполняя своимъ золотистымъ моремъ всю поднебесную, осіявали полнымъ блескомъ близъ лежавшія долины и горы, растенія и камни, и разливали всюду жизнь и радость. Между тѣмъ, все, что составляло Иерусалимъ, представлялось въ какомъ-то мертвенномъ, блѣдно-палевомъ полусвѣтѣ. Казалось, какой-то холодный, безжизненный и безмолвный сумракъ облегалъ его, какой-то таинственный, печальный и какъ-бы погребальный покровъ лежалъ на немъ. Самая его окрестность дикая, каменистая, пустынная представлялась погруженною въ такое же мертвое, ужасающее безмолвіе. Можно было подумать, что вся природа здѣсь какъ бы не смѣетъ еще прервать своего молчанія съ того времени, какъ съ трепетомъ внимала глаголамъ Вѣчнаго, и какъ бы продолжаетъ еще ужасаться и ужасать послѣ того, какъ на одной изъ ея горъ совершилось страшное кровавое событіе.

Боже мой! думалъ я, начавъ опять путь: такъ это

Иерусалимъ, коего и первое появленіе въ области дѣписаній, и первый извѣстный царь и первосвященникъ, и самое наименованіе окружены такою священной таинственностію, что при одномъ его имени невольно возбуждалось въ душѣ какое-то благоговѣніе, и воображалось что-то полуземное, полунесное. Это Иерусалимъ, надъ коимъ пронеслось столько вѣковъ, безмолвныхъ свидѣтелей его возрастанія и славы, его умаленія и уничтоженія, его разрушеній и возсозданій. Это Иерусалимъ, въ коемъ совершилось столько событій, чудесъ и превращеній, — событій дивныхъ, чудесъ поразительныхъ, превращеній непостижимыхъ! Это Иерусалимъ *умноженный во языцехъ, владѣй странами, вѣнецъ славы Израиля, веселіе всея земли* (Плач. Іер. 1, 1; 2, 1. 15); столица царей богоизбранныхъ и богопомазанныхъ, градъ вѣры, закона, боговѣщаній, мѣсто святыни и истиннаго служенія Богу истинному! О немъ-то *преславная глаголашася какъ о градъ*, Богу возлюбленномъ *паче всѣхъ селеній Іаковлихъ* (Псал. 86, 2. 3); въ немъ-то, по преимуществу, Вышній положилъ селеніе Свое, избравъ его какъ бы въ жилище себѣ, и въ явленіе Своей силы и славы на земли! Это, наконецъ, Иерусалимъ, которому ввѣрены были слова Божія, и даны святыя завѣты, сыноположенія и обѣтованія, — которому предназначались и особый свѣтъ, особая слава и крѣпость, — который пользовался исключительнымъ правомъ на царствіе Божіе и на заслуги Искупителя, но который, увы! — не устоявъ въ завѣтахъ, лишился и силы и славы, и сыновленія Божія и исполненія обѣтованій!

Да и какъ было не лишиться Иерусалиму небесныхъ благословеній, когда онъ, будучи градомъ святымъ и богоизбраннымъ, не только не преставаля *лукавое творить* предъ

Господомъ, но и умножая умножалъ свои грѣхи и неправды, умножалъ до того, что нечестіемъ своимъ превзошелъ наконецъ и Самарію и Содому (Иезек. 16, 48. 51). Іерусалимъ, средоточіе церкви Бога истиннаго и живаго, личный свидѣтель Его дивныхъ дѣлъ и знаменій, Его щедротъ и благости, Его могущества и славы, и между тѣмъ не только по временамъ хромаетъ на оба колѣна, раздѣляясь между Іеговою и Вааломъ, но и открыто насаждаетъ языческія дубравы, ставитъ идольскія требища, и какъ бы предъ лицемъ самаго Вседержителя воскуряетъ богомерзкія всесожженія Астартѣ и Молоху. Святой Израилевъ, посѣщая жезломъ неправды Іерусалима, но не отнимая отъ него милости Своея, одновременно воздвигаетъ и посылаетъ къ нему цѣлый сонмъ пророковъ, чтобы вразумить градъ, увлекаемый въ бездну гибели примѣромъ распутства амморейскаго, — чтобы задержать потокъ грѣховнаго зла, такъ нагло разливавшася по стогнамъ его, подгрѣпить и очистить въ немъ вѣру въ Искупителя, уяснить о Немъ понятія, и возвысить надежды и чаянія на блага царства Его: но Іерусалимъ, уже омраченный и ожесточающійся, какъ бы въ большее преогорченіе Святаго Израилева, умерщвляетъ. Его пророковъ, каменіемъ побиваетъ посланныхъ къ нему и проливаетъ кровь праведниковъ между церковію и алтаремъ. Но и это для него было еще не все. Мало было Іерусалиму довольствоваться мѣрою беззаконій отцевъ своихъ и служить лобнымъ мѣстомъ пророковъ и праведниковъ. Нѣтъ! Чтобы превзойти въ злодѣйствахъ всѣ прежніе роды и роды, и показать вселенной крайній предѣлъ неистовства воли развращенной, надобно было этому граду Божію и святому учиниться, наконецъ, страшнымъ позорищемъ земли и неба, и учинить неслыханный позоръ христуобійства и богоубійства.

Увы! Иерусалиме, Иерусалиме! — воскликнулъ я, отводя взоръ отъ Омаровой мечети, стоящей на мѣстѣ древняго храма, — и страшныя слова отверженія: *се оставляется домъ вашъ пустъ*, — сами собой отозвались въ душѣ моей, служа какъ бы дополненіемъ къ восклицанію. Сердце мое сжалось; мнѣ стало тяжело; я не хотѣлъ думать, но мнѣ думалось. Мрачное безмолвіе града и окрестностей, отзывавшееся уныніемъ и запустѣніемъ, казалось еще ощутительнѣе и поразительнѣе. Я опустилъ взоръ на землю и думалъ: Боже праведный! что это значить? Есть-ли это одинъ лишь призракъ беспокойнаго воображенія и слѣдствіе особеннаго личнаго настроенія моей души, или же существенная дѣйствительность, — дѣйствительность печальная, грозная, но неотразимо тяготѣющая на мѣстѣ семь съ извѣстнаго времени? Не есть ли уже это дѣйствіе правды Божіей и исполненіе предсказаній распятаго Богочеловѣка? Не есть ли это та пустота нескончаемая, которая имѣетъ оставаться на мѣстѣ семь въ роды родовъ и послѣ того всеконечнаго разоренія и опустошенія, когда во градѣ, отъ Бога отверженномъ, не остался *камень на камени, иже не разорися*? Не есть ли это печать отриновенія за пролитіе крови Единороднаго, имѣющая лежать на понижшемъ челѣ Иерусалима и Израиля, *дондеже скончаются времена языкъ, дондеже узрятъ Сына Человѣческаго, грядущаго на облацяхъ съ силою и славою мноюю, и рекутъ: благословенъ грядый во имя Господне* (Лук. 21, 24. Матѣ. 24, 30; 26, 38. 39)? Не есть ли это даже безмолвный отголосокъ сей крови, такъ грозно павшей нѣкогда на ожесточенныхъ распинателей, и такъ карательно отражающейся до-нынѣ на слѣпотствующихъ чадахъ ихъ?

Но судьбы твоя, Господи, бездна многа, взывалъ

одинъ изъ царствовавшихъ нѣкогда въ семь же Іерусалимѣ. Проникать и прозирать тайны, сокрытыя и запечатлѣнныя въ сокровищѣ всевѣдѣнія Божія, не есть удѣлъ смертныхъ. Да и нѣтъ никакой нужды посягать на это, тѣмъ паче, что въ настоящее время наши отношенія къ Іерусалиму должны основываться не на томъ, чѣмъ онъ былъ въ завѣтѣ дѣль, а на томъ, чѣмъ онъ сталъ для насъ въ завѣтѣ благодати. Іерусалимъ ветхозавѣтный, какъ градъ богоотверженный за грѣхи и ожесточенія древняго Израиля, пересталъ существовать и не существуетъ уже восемнадцать вѣковъ. Исполнивъ все, что опредѣлено было о немъ въ святыхъ судьбахъ для спасенія міра, въ тоже время, безсознательно, но совершенно свободно онъ исполнилъ и все то, что служило къ конечной гибели его самого. И вотъ, вслѣдствіе сего, святилище его разрушено, алтарь раскопанъ, жертва прекращена, священникъ и левитъ отняты, обряды упразднены, вѣрованіе измѣнено, богопоклоненію мѣстному и мертвенному сообщенъ истинный характеръ духа, жизни и повсюдности. Самая мѣстность, гдѣ все это жило, происходило и совершалось, переименована, передвинута, очищена и омыта потоками крови того же самого рода лукаваго и прелюбодѣйнаго, который искалъ и просилъ знаменій, и который, распявъ своего Христа и Господа, нашелъ и увидѣлъ знаменіе Іоны пророка. Итакъ, совершенное Іерусалимомъ христубійство было вмѣстѣ и самоубійство, и Римскіе орлы парили уже надъ нимъ, какъ надъ издыхавшимъ трупомъ, прежде чѣмъ спустились, чтобы растерзать и расклевать его окончательно.

Но искупительная кровь Богочеловѣка, также какъ и благовѣстіе Его, есть, по Апостолу, *воля, овьмъ убо смертная въ смерть, овьмъ же животная въ жи-*

вошь (2 Кор. 2, 16). Еще прежде конечнаго разоренія и опустошенія Иерусалима ветхозавѣтнаго и подзаконнаго, на томъ же мѣстѣ и подъ тѣмъ же именемъ, возникъ для новаго Израиля, для людей богоизбранныхъ и святыхъ, — возникъ и открылся Иерусалимъ новый, *градъ Господень, Сионъ Святаго израилева* (Исаи 60, 14), — градъ, основанный на заслугахъ Искупителя міра, и имѣющей существовать до скончанія всѣхъ временъ и вѣковъ. Это тотъ градъ, въ которомъ по прореченію Архангела ко Пресвятой Дѣвѣ, имѣлъ открыться и открылся невидимый *престолъ Давида* для одного изъ его потомковъ, пришедшаго *воцариться въ дому Иаковли во вѣки* (Лук. 1, 32. 33). Это тотъ градъ, въ которомъ запечатлѣлось и утвердилось духовное, невидимое царство Божіе, которое, начавшись во времени и на земли, объемлетъ собою небо и землю и имѣетъ продолжаться времена и вѣчность. Это тотъ градъ, который озаренъ былъ, по слову боговидца Исаи (Ис. 60. 1, 2, 19), *и свѣтомъ и славою*, но свѣтомъ неземнымъ, — славою не только всемірною и премірною, но и наднебесною. Въ немъ то окончательно исполнилось и совершилось все ветхозавѣтное домостроительство Божіе о спасеніи человѣка, и положено начало завѣту новому, высшему, благодатному. Въ немъ пролита и та кровь сего завѣта, съ которою *Христосъ*, какъ *Ходатай и Артіерей благъ грядущихъ*, *вошелъ въ нерукотворенная святая* и, тамъ принеся ея правосудію Божію однажды, приобрѣлъ на вѣки искупленіе грѣховъ всего міра. Въ немъ Господь славы, Жизнодавецъ и Царь вѣчности, чтобы даровать міру жизнь и нетлѣніе, вкусилъ, среди крайняго истощанія и уничтоженія, смерть самую мучительную, поносную, крестную. Въ немъ извѣвленное и бездыханное тѣло Его заключено было въ ма-

ломъ гробѣ, и сокрыто въ нѣдрахъ земли, тогда какъ безсмертная душа Его сходила въ нѣдра ада преисподняго, чтобы и тамъ, *сущимъ въ темницѣ духовомъ* возвѣстити спасеніе Божіе, и извести на свободу свѣта и блаженства всѣхъ узниковъ, съ вѣрою ожидавшихъ Его пришествія. Въ немъ возсіялъ Онъ боголѣпною славою Своего Божества, воскресивъ Себя изъ мертвыхъ, яко Сынъ Богу Отцу едиnorodный, соприносущный и совѣчный, и положивъ чрезъ то основаніе и нашему блаженному воскресенію. Въ немъ, какъ въ столицѣ Своего духовнаго царства, являлся Онъ по воскресеніи, *днемъ чотыредесятми*, Своимъ ученикамъ и апостоламъ, разясняя имъ и *лаола*, *яже о царствіи Божіемъ* (Дѣян. 1, 3). Въ немъ, оставляя на землѣ церковь Свою, далъ Онъ обѣтованіе пребывать съ нею и среди ея, *во вся дни до скончанія вѣка*, а восходя на небо, какъ Владыка земли и неба, оставилъ то благословеніе на землѣ, коего ожидали и коимъ благословляются *всѣ племена земныя*. Въ немъ пребывали Его святые апостолы дотолѣ, пока не вышли *въ мѣръ проповѣдовать Евангеліе всей твари* (Марк. 16, 15.); въ немъ излилась на нихъ, а чрезъ нихъ и на весь мѣръ и на всяку душу вѣрующую, благодать всесвятаго Духа, давшая имъ уста и премудрость, и облечшая ихъ, какъ посланниковъ и министровъ слова, и чрезвычайнымъ достоинствомъ апостольства, и божественною силою свыше.

Вотъ на чемъ должны основываться и основываются нынѣ наши отношенія къ Іерусалиму обновленному и освященному кровію Спасителя мѣра! Вотъ сколько благъ невидимыхъ, но величайшихъ и неоцѣненныхъ для насъ совершено въ немъ, запечатлѣно и оставлено въ роды родовъ. «Ты, какъ благоутробный, Христе», — воспѣваетъ св. церковь

къ воскресшему Спасителю, — «Ты излиль щедроты на Сіонъ, «возсоздавъ Твоею божественною кровію новый вмѣсто ветхаго, и нынѣ царствуеши въ немъ во вѣки» (6 пѣсн. втор. троп. воскр. канон., въ нед. гл. 8).

Но великое дѣло Божіе, дѣло спасенія грѣшнаго чело- вѣчества чрезъ страданіе, смерть и воскресеніе Богочеловѣка, совершившись единократно и неповторяемо, представляется уже неподлежащимъ чувствамъ, преставшимъ и какъ бы не- существующимъ. Правда, оно престоало и не существуетъ по отношенію къ одному только изъ необходимыхъ видовъ бытія своего, по отношенію ко времени. Что же касается до его сущности и дѣйствій, и до другаго вида, до другаго условія его существованія, т. е. мѣста: то оно есть и до нынѣ, и не престанетъ существовать во вѣки. И до нынѣ есть святая Геосиманія, гдѣ Господь и Спаситель нашъ претерпѣлъ всю лютость внутреннихъ мукъ и страданій за грѣхи наши, взывая къ избраннѣйшимъ изъ учениковъ своихъ: *прискорбна есть душа моя до смерти* (Матѣ. 26, 38). И до нынѣ есть то богоосвященное мѣсто, гдѣ Онъ, въ смертной тоскѣ и внутреннемъ бореніи, преклонялся лицомъ къ землѣ и молился къ Отцу Своему, съ такимъ воплемъ и слезами, что потъ Его орошалъ землю, падая съ Него въ видѣ каплей крови (Лук. 22, 43. 44. Евр. 5, 7). И до нынѣ есть тотъ крестный путь, которымъ Владыка твари и Господь славы, поруганный, заушенный, изтерзанный и осужденный на смерть, шествовалъ посреди злодѣевъ на мѣсто казни, изнемогая подъ крестомъ. И до нынѣ есть кровавая Голгоѳа, гдѣ совершился страшный моментъ тайны искупленія, — тотъ моментъ, на который съ содроганіемъ взирали земля и небо, прошедшее и будущее, живые и мерт- вые, и гдѣ какъ на всемірномъ жертвенникѣ распятый Бо-

гочеловѣкъ, принесшій Себя въ жертву за грѣхи людскіе, *преклонь главу предаде духъ* (Іоан. 19, 30). И до нынѣ есть могильный вертепъ, этотъ живоносный источникъ нашего воскресенія и блаженства, этотъ гробъ, свѣтлѣйшій всякаго чертога, гдѣ сокрыто было мертвое тѣло Господа Іисуса, и гдѣ Онъ, тридневный, воскресъ яко Богъ, совоскресивъ съ Собою весь міръ. И до нынѣ есть и гора Галилея, гдѣ воскресшій Спаситель въ первый разъ по воскресеніи, явился ученикамъ Своимъ, и небожественный Елеонъ, откуда Онъ, среди воскликновеній горнихъ силъ, возшелъ на небо, *идъже бѣ прежде*, и святыи Сіонъ, принявшій новое законоположеніе новаго завѣта и огнеобразную благодать Духа. Все это и до нынѣ есть, и составляетъ ту новозавѣтную святыню, то сокровище неградомое, тотъ внутренній Іерусалимъ, коего Іерусалимъ внѣшній, состоящій изъ зданій христіанскихъ и нехристіанскихъ, со всѣми его обитателями, есть не болѣе какъ видимое предградіе, внѣшнее прикровеніе внутренняго сокровища, внѣшній новозавѣтный кивотъ, вмѣщающій и хранящій въ себѣ навѣки святыню Господню. Все это есть, и, не смотря на всѣ видоизмѣненія отъ руки людей и времени, на всегда пребудетъ предметомъ благодарственнаго воспоминанія, благоговѣнія и поклоненія для вѣрныхъ чадъ новаго Израиля. Не напрасно же св. церковь до нынѣ созываетъ ихъ къ живоносному гробу, возглашая во услышаніе вселенной: «Приидите людіе, поклонимся мѣсту, *идъже сто-яста пречистѣи нозѣ, и божественнии Христови длани на древѣ* «прострошася на спасеніе всѣхъ челоуѣковъ, и будемъ пѣть «обстоя гробъ животный» (Первый троп. 8 пѣсн. вѣстовоскр. кан. въ недѣл. гл. 1). Не напрасно до нынѣ сорадуется она Сіону, видя въ немъ вѣрныхъ со всѣхъ концовъ міра, — сорадуется и въ веселіи духовномъ взываетъ къ

нему: «возведи окрестъ очи твои, Сіоне, и виждь: се бо
«придоша къ тебѣ отъ запада и сѣвера и моря и востока
«чада твоя, чтобы благословить въ тебѣ Христа во вѣки».
(Кан. пасх. 2 троп. 8 пѣсн.)

Послѣ сего понятно, что Іерусалимъ, чѣмъ бы онъ ни
былъ для Іудеевъ и не-Іудеевъ и невѣрующихъ, но для
насъ, истинно и православно-вѣрующихъ во Іисуса Христа,
Сына Божія, какъ Искупителя міра, онъ — и только онъ
одинъ, останется до кончины міра градомъ достопоклоняемымъ,
и не только единымъ и священнымъ, но и единственнымъ
и святымъ, останется матерію церквей Божиихъ, какъ исхо-
дище закона, вѣры, освященія, жизни, спасенія.

Проникнутый и утѣшенный сею мыслию, я подѣхалъ
къ Яффскимъ воротамъ, и видя на право грѣбость Давида
и гору Сіонъ, а прямо противъ себя самый городъ, привѣт-
ствовалъ его съ восторгомъ словами пѣсни церковной:
*«Χαίρε Σιών ἁγία, μήτηρ τῶν ἐκκλησιῶν, Θεῶ κατοικητήριον
Σὺ γὰρ ἐδέξω πρώτη ἄφεσιν ἁμαρτιῶν διὰ τῆς ἀναστάσεως»*
(Радуйся, Сіоне святой, мати церквей, Божіе жилище. Ты бо
пріялъ еси первый оставленіе грѣховъ воскресеніемъ. Стих.
воскр. на Господи воззв. 8 гл.).

Преступникъ Кисилевичъ и его казнь.

Личность извѣстнаго преступника Кисилевича и самая казнь его, совершенная въ Одессѣ 16 декабря прошлаго 1864 года, довольно наглядно описаны въ одномъ изъ послѣднихъ декабрьскихъ нумеровъ Одесскаго Вѣстника, — и портретъ этого замѣчательнаго преступника, вообще, изображенъ довольно вѣрно. Но для публики этого недостаточно. Отъ многихъ мнѣ предложены такіе вопросы: въ какомъ расположеніи духа былъ Кисилевичъ въ замкѣ, во время производившагося надъ нимъ суда? зналъ ли онъ ожидавшую его участь, какъ перенесъ извѣстіе объ осужденіи его на казнь — разстрѣляніемъ, раскаялся ли въ своихъ преступленіяхъ, и особенно въ послѣднемъ — удушеніи статской совѣтницы Дудровичъ? Каковъ онъ былъ въ послѣдніе дни передъ казнію, что говорилъ онъ мнѣ и я ему на пути къ мѣсту казни, какъ онъ принялъ здѣсь объявленный ему приговоръ о казни? Такіе вопросы показываютъ, что наше общество не удовлетворено краткою замѣткой о Кисилевичѣ, помѣщенной въ Од. Вѣстникѣ. На меня, какъ священника тюремнаго замка и духовника Кисилевича, падаетъ долгъ дать, по возможности, удовлетворительные отвѣты, на предложенные мнѣ вопросы, христіанскому нашему обществу.

Кисилевичъ, какъ извѣстно, въ 26 лѣтъ своей жизни

совершилъ 26 преступленій. Неоднократно онъ содержался въ тюремномъ замкѣ и довольно подолгу; но упорное его запирательство и содѣйствіе покровителей освобождали его изъ замка. Въ послѣдній разъ, освобожденный изъ замка на поручительство, менѣе чѣмъ въ двѣ недѣли, онъ совершилъ послѣднее, ужасное преступленіе: въ самомъ центрѣ города, въ домѣ очень многолюдномъ, среди бѣла дня, съ заранѣе обдуманномъ планомъ, 1 февраля 1864 года, удушилъ беззащитную старуху, статскую совѣтницу Дудровичъ, ограбилъ ея вещи и деньги и бѣжалъ за-границу! Такое наглое преступленіе требовало примѣрной кары правосудія. И она не замедлила постигнуть злодѣя. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, схваченный за-границею нарочно командированнымъ полицейскимъ чиновникомъ, Кисилевичъ, вмѣстѣ съ участницей въ преступленіи, одесской мѣщанкой Пелагеей Литвиненковой, представленъ былъ въ Одессу. Началось слѣдствіе. Въ это время онъ содержался въ секретной арестантской при 2-й полицейской части. Посѣтивъ его въ этомъ заключеніи въ первый разъ, я изумился смѣлости, съ какою онъ старался защитить себя. Напрасно я внушалъ ему, что такимъ упорнымъ запирательствомъ онъ только вооружитъ противъ себя судей; нераскаянностію въ преступленіи, которое при очевидныхъ уликахъ не напрасно приписывается ему, навлечетъ на себя судъ и гнѣвъ Божій, и что, слѣдовательно, не можетъ уже рассчитывать на хорошій исходъ этого дѣла. Кисилевичъ упорно отстаивалъ свою мнимую невинность и горько плагалъ, жалуясь на жестокость заключенія, на дурное содержаніе, а особенно на несправедливое будтобы обвиненіе его въ убійствѣ Дудровичъ.

— Я не знаю этого дѣла, и кто виноватъ—мнѣ вовсе не извѣстно. Ко мнѣ принесла на квартиру Литвиненкова

деньги и вещи; увидѣвъ это, я весь поглощенъ былъ мыслию — обогнать ее, бросить и, если нужно будетъ, — сбыть ее самую. Я къ ней не питалъ никакого расположенія; своею любовью она мнѣ уже надоѣла; на свободѣ она мнѣ была совершенно не нужна; притомъ же она мнѣ вовсе не пара: я тяготился ею. И дѣйствительно — едва было не сбылъ ее на переправѣ чрезъ Дунай; да счастье ея: ухватилась за меня, какъ кошка, и — это ее спасло. А то узнала-бъ она, гдѣ раки зимуютъ, и я теперь не сидѣлъ бы здѣсь. Потому-то все прочее для меня было до того неинтересно, что я даже не подумалъ спросить ее достовѣрно, откуда у ней эти вещи и деньги. Конечно, я зналъ, что это пріобрѣтеніе непохвальное; но это мало меня беспокоило. Въ своей заботѣ я старался какъ можно скорѣе привести въ исполненіе задуманный мною планъ — перебраться за границу, гдѣ меня не знаютъ, и тамъ-то надѣялся пожить на свободѣ. Но это, какъ вы видите, мнѣ не удалось. И вотъ я теперь лишенный всего, обвиняюсь еще въ убійствѣ Дудровичъ, родственники которой не щадятъ денегъ, чтобы погубить меня.»

Много при этомъ онъ говорилъ, съ ожесточеніемъ нападая на несправедливо будтобы производимое слѣдствіе, страшно негодовалъ на безчеловѣчное заключеніе его въ сырой камерѣ, дурную пищу и пр.

— Эта сырость вся въ моихъ костяхъ; меня скоро вши съѣдятъ; я уже цѣлый мѣсяцъ не перемѣнялъ бѣлья и въ банѣ не былъ. Почему же съ Литвиненковой поступаютъ иначе? Ее кормятъ отъ стола пристава; ей покупаютъ табакъ въ 2 р. с. фунтъ; она пользуется совершенною свободой, подъ надзоромъ только полицейскаго служителя...

Я все это знаю. И какъ не больно, батюшка, терпѣть такую неправду? Посудите!»

Желая утѣшить его въ его дѣйствительно скорбномъ положеніи, я убѣждалъ его расположить въ свою пользу судей добровольнымъ открытіемъ истины, что всѣ извороты приведутъ его только къ большому еще изнуренію, и что, при явныхъ уликахъ, хотя и безъ собственнаго сознанія, онъ не спасется отъ заслуженнаго наказанія, тогда какъ, напротивъ, добровольное открытіе истины, хотя и позднее, но съ чистосердечнымъ раскаяніемъ въ душѣ, — смягчитъ мѣру наказанія отъ людей, и гнѣвъ Божій, явно уже теперь тяготѣющій надъ нимъ, преклонитъ на милость. Но мои слова были напрасны. Для вразумленія этого упорнаго грѣшника недостаточно было словъ человѣческихъ. Глубоко испорченный въ самомъ основаніи человѣческой природы, оставленный безъ всякихъ началъ религіи, проведеншій всю жизнь въ изученіи искусства — жить безъ труда на чужой счетъ, онъ не имѣлъ въ сердцѣ своемъ страха Божія; и потому голосъ вѣры, вразумленія и увѣщанія служителя олтара Господня для него не имѣли никакого значенія. Оттого, до послѣдней минуты своей жизни, онъ упорно отвергалъ отъ себя совершенное имъ преступленіе; такъ и въ могилу пошелъ. Но странно! гораздо гнуснѣйшія дѣла онъ открылъ мнѣ на духу и, по видимому, каляся отъ искренняго сердца; въ признаніи же за удушеніе Дудровичъ, точно кто сковалъ языкъ его, и ни на какія убѣжденія не поддался. Конечно, объясненія этого явленія нужно искать не въ природѣ человѣческой. Это объясняетъ намъ св. Писаніе: *творяй грѣхъ, отъ діавола есть: яко исперва діаволъ согрѣшаетъ*. Этотъ врагъ спасенія до того плѣнилъ въ свое послушаніе несчастнаго Кисилевича, что онъ со-

вершено покорился его волѣ. Это доказываетъ какъ вся жизнь его, представляющая рядъ замѣчательныхъ преступленийъ, такъ еще болѣе послѣднее время, со дня удушенія Дудровичъ.

Изъ заключенія при 2-й полицейской части Кисилевичъ переведенъ на страстной седмицѣ въ острогъ. Еще при посѣщеніи моемъ его во 2-й части онъ изъявлялъ желаніе говѣть. Переведенный въ острогъ, онъ подтвердилъ свое желаніе и къ Великой Субботѣ говѣлъ. Я надѣялся, что трогательныя воспоминанія страстной седмицы объ искупленіи рода человѣческаго Сыномъ Божиимъ, присутствіе при совершаемыхъ умиленныхъ богослуженіяхъ этихъ великихъ дней благодатно подѣйствуютъ на его черствую душу. Дѣйствительно, Кисилевичъ присутствовалъ при богослуженіяхъ и молился, повидимому, очень усердно. Но вотъ настала часъ исповѣди. Поставивъ его предъ лице Самаго Господа словами: *се, чадо, Христосъ невидимо здѣ стоитъ; не убойся и не устыдися, и да не скryеши что отъ мене...* и проч., я началъ предлагать ему вопросы. Не нарушая тайны исповѣди, по совѣсти говорю, что исповѣдывался онъ со всеѣмъ видимымъ чистосердечіемъ и раскаянностію во всеѣхъ своихъ грѣхахъ... но отъ убійства Дудровичъ отрекся и ни на какія убѣжденія не поддакъся, проливая при этомъ горькія слезы невинно страждущаго. Напомнивъ ему, что *недостойно*, въ нераскаянныхъ грѣхахъ, приступающій къ трапезѣ Господней *судъ себѣ ястъ и ѣстъ*, и что, какъ свидѣтельствуеетъ исторія христіанской церкви, судъ Божій не разъ постигалъ таковыхъ, нерѣдко тотчасъ по принятіи таинъ Христовыхъ, — я потребовалъ отъ него окончательнаго и рѣшительнаго отвѣта на вопросъ:

— Кто же предалъ смерти Дудровичъ?

— Не знаю; но — не я.

— Такъ и на страшномъ судѣ смѣло и утвердительно скажешь?

— Хоть сейчасъ готовъ идти на страшный судъ!

— Да будетъ воля Твоя, Боже, сказалъ я; но потомъ еще прибавилъ: можетъ ты, сынъ мой, поудержишься отъ причастія св. Таинъ?

— Нѣтъ, батюшка, не лишайте меня этого!

Исповѣдь длилась болѣе часа. Я помолился объ оставленіи его грѣховъ, и, за видимо-чистосердечное раскаяніе его во грѣхахъ, властію данною мнѣ отъ самаго Господа, разрѣшилъ его отъ всѣхъ сознанныхъ имъ грѣховъ. Послѣ литургіи, во время чтенія молитвы: вѣрую Господи и исповѣдую.. ., я замѣчалъ въ немъ какой-то внутренней трепетъ... но онъ приступилъ и причастился св. Христовыхъ Таинъ. Единъ Господь проникаетъ въ тайны сердца нашего!

Отъ Святой до августа мѣсяца мнѣ не разъ приходилось бесѣдовать съ Кисилевичемъ въ его заключеніи. Въ это время онъ уже зналъ о свойствѣ суда, имѣющаго производиться надъ нимъ. Признаюсь, тяжело было теперь бесѣдовать съ нимъ, видя всякій разъ его въ самомъ возмутительномъ настроеніи духа. Всего болѣе возмущался онъ отъ ложнаго убѣжденія, что всѣ люди — злодѣи не менѣе его, и что законъ наказываетъ не всѣхъ равно, и какъ-бы пристрастно дѣйствуетъ къ другимъ.

— Чѣмъ наконецъ я хуже Чумака *), говорилъ онъ неразъ; а посмотрите, — онъ все остается безнаказаннымъ: ходитъ свободно и пользуется всѣми удобствами жизни; вся разница между нимъ и свободными людьми та, что онъ со-

*) Грабитель и убійца, содержащійся въ одесскомъ тюремномъ замкѣ.

держится въ острогѣ; между тѣмъ какъ онъ, по собственному сознанию, погубилъ болѣе двадцати душъ. Меня же держать, какъ какого звѣря дикаго, въ клѣткѣ; а за что? Гдѣ же правда въ мірѣ?...

Опроверженіе его ложныхъ убѣжденій и утѣшеніе въ его скорбномъ положеніи — были почасту предметомъ довольно продолжительныхъ моихъ бесѣдъ съ нимъ.

Такъ прошло время до августа мѣсяца.

Въ это время слѣдственная коммиссія, наряженная по назначенію г. одесскаго градоначальника, окончивъ производство слѣдствія, передала дѣло на разсмотрѣніе военно-судной коммиссіи и для дальнѣйшаго производства суда. Приступивъ къ разсмотрѣнію дѣла, коммиссія пригласила меня для публичнаго увѣщанія Кисилевичу. Въ присутственной залѣ ордонансъ-гауза, надѣвъ на себя епитрахиль, взявъ крестъ въ руки и раскрывъ св. Евангеліе, я прочелъ Кисилевичу мѣсто изъ евангелиста Матѳея (гл. X, ст. 26, 28): *ничто же есть покровенно, еже не открыеться, и тайно, еже не увѣдѣно будетъ. Не убойтеся отъ убивающихъ тѣло, душу же немогущихъ убити; убойтеся же паче могущаго и душу и тѣло погубити въ гееннѣ.* Объяснивъ ему значеніе приведенныхъ словъ Писанія, и напомнивъ, что слова эти Самого Господа Иисуса Христа истинны и непреложны, что небо и земля скорѣе уничтожатся, чѣмъ не сбудется одна іота изъ словъ Господа, я убѣждалъ его, ради его собственнаго благополучія, ради спасенія его души — открыть истину, не затягивать дѣла, не изнурять себя чрезъ это всякаго рода лишеніями и скорбями; что, при добровольномъ сознаніи и чистосердечномъ раскаяніи, къ нему будутъ милостивы и Богъ и люди, и что, въ противномъ случаѣ, онъ, при такихъ ясныхъ ули-

гахъ, совершенно согласныхъ съ обстоятельствами дѣла, хотя и не сознается, не избѣгнуть заслуженнаго наказанія, — но уже по всей строгости законовъ. Я заключилъ рѣчь свою:

— Господь сердцеѣдецъ; предъ Нимъ до нага обнаружены не только всѣ дѣла, но и самыя современныя помышленія наши, и что — рано или поздно — Онъ откроетъ наши тайны, если не на этомъ свѣтѣ, то въ будущее второе пришествіе, предъ цѣлымъ міромъ ангеловъ и человековъ, и что тогда послѣднія будутъ горше перваго. Не губите-же души своей; поймите, какую страшную цѣною крови Сына Божія она искуплена отъ вѣчной смерти, на которую вы такъ неразумно обрекаете ее вашими дѣлами и особенно вашею нераскаянностію въ содѣланномъ вами преступленіи. Сознайте истину и милость, предлагаемая вамъ.

Но, увы! Кисилевичъ, доказывая свою невинность на всѣ возможные способы, опровергая предлагаемые ему при этомъ чиновникомъ комиссіи доказательства его виновности, съ горькими слезами и съ страшною клятвою увѣрялъ, что онъ не виноватъ и виновнаго не знаетъ.

— Помните же, г. Кисилевичъ, что вы свидѣтельствуетесь въ невинности предъ Самимъ Господомъ, котораго предъ вами — Крестъ и Евангеліе.

— Если я, батюшка, виноватъ за Дудровичъ, — да накажетъ меня Распятый за насъ на крестѣ Господь всѣми муками ада! отвѣтилъ мнѣ Кисилевичъ и, съ горькими слезами невинно обвиняемаго въ такомъ страшномъ преступленіи, онъ нѣсколько разъ ноцѣловалъ св. Крестъ и Евангеліе.

Всѣ присутствующіе въ изумленіи и ужасѣ стояли, храня глубокое молчаніе. Больше я не могъ говорить ничего — и вышелъ изъ судебной залы. Кисилевичъ остался писать отвѣтные пункты на предложенные ему вопросы.

Все время производившагося надъ нимъ суда, онъ оставался почти въ одинаковомъ настроеніи духа. Для большаго вліянія на его нравственную сторону, я для него испросилъ дозволеніе бывать въ церкви во время богослуженія. Этого онъ и самъ домогался. По началу, какъ видно было, хожденіе въ церковь для него составляло развлеченіе: онъ нѣразу, бывало, не перекрестится во всю службу. Но чѣмъ болѣе приближалось время къ концу его суда, тѣмъ видимо онъ дѣлался усерднѣе къ молитвѣ. Замѣтно стало уже и крестное знаменіе и даже колѣнопреклоненія. Но вотъ, 18 ноября вызывается Кисилевичъ для выслушанія рѣшенія военнаго суда. Ему прочитана сентенція, по которой онъ присуждался къ смертной казни — разстрѣляніемъ. Говорятъ, выслушавъ, онъ горько плакалъ и просилъ облегченія въ своей участи. Возвратившись въ замокъ, въ наступившую ночь, говорятъ, онъ молился очень долго на колѣнахъ. На другой день онъ роздалъ арестантамъ все свое имущество, заключавшееся въ нѣсколькихъ экземплярахъ его костюма; семь руб. сер. денегъ, имѣвшихъ у него, отдалъ арестантскому старостѣ на покупку бѣлаго хлѣба, для раздачи арестантамъ; на остальные же деньги просилъ купить ему 2 ф. рису, сахару и конфектъ, — это все отослалъ въ камеру къ *сотрудницѣ* своей Пелагеѣ Литвиненковой съ такою рѣчью: «свари коливо изъ этихъ припасовъ за упокой моей души и покусай, — да смотри не забудь подавиться!» Спустя нѣсколько времени, передавая мнѣ эту исторію, Кисилевичъ, по видимому, полный негодованія, присовокупилъ: и вообразите вы себѣ такого варвара, — дѣйствительно сварила себѣ кашу и поѣла!...

Съ 18 ноября до самого дня казни, 16 декабря, онъ не вставалъ съ постели. Только во время совершенія у него

положенныхъ келейныхъ правилъ онъ подымался. Молился дѣйствительно усердно, нерѣдко со слезами; но послѣ молитвы впадалъ или въ совершенную апатію, или же, по обыкновенію, возмущался, иногда до ужасающихъ размѣровъ, — и все за несправедливость будтобы людскую. Напрасно я выставлялъ ему на видъ его собственныя черныя дѣла, и совѣтовалъ не обращать вниманія на сучецъ въ глазу ближняго.

— Загляните по глубже въ вашу душу, и скажите по совѣсти, много ли вы знаете людей, въ 26 лѣтъ, совершившихъ 26 преступленій? Зачѣмъ же вы берете еще грѣхъ судить ближнихъ, надъ которыми никто не поставилъ васъ судьейю?

— А кто поставилъ ихъ судьями надо мной?

— Богъ; ибо *нѣсть власть аще не отъ Бога!*

— Какой Богъ, какой Богъ?... гдѣ тотъ Богъ?...

Возмущеніе Кисилевича изливалось — въ выраженіяхъ, не употребляемыхъ въ печати, которыя невольно надобно было слушать, чтобы потомъ мало-помалу вразумить его хоть сколько нибудь: но, слушая его, я приходилъ въ ужасъ и думалъ: до какой степени способенъ человѣкъ идти на перекоръ всему святому и даже здравому смыслу...

— Почему же Богъ не поставилъ меня надъ ними судьейю? Или, почему Богъ не удерживаетъ человѣка отъ худыхъ дѣлъ, за которыя вотъ сиди теперь здѣсь, да еще чтò тебя ожидаетъ впереди?

— А что было бы хорошаго для васъ, если бы, по вашему, Богъ насильно удерживалъ людей отъ худыхъ дѣлъ?

— Тогда я былъ бы честнымъ человѣкомъ и не сидѣлъ бы здѣсь.

— Но вы теперь можете ли назваться честнымъ человекомъ, будучи связаны по рукамъ и ногамъ вашимъ заключеніемъ въ этой твердынѣ? И много ли чести для вашей такой честности? Въ вашихъ собственныхъ глазахъ много ли достоинства заслуживаетъ такая честность?...

Иногда приходили такія минуты на него, что бывало не узнаешь Кисилевича. Такъ однажды онъ разсказалъ мнѣ исторію своего дѣтства и даже далѣе. Сколько помню, я передаю ее съ буквальною точностію.

— Родился я въ Кишиневѣ. Мой отецъ былъ коллежскій регистраторъ; я его не помню. Когда мнѣ было лѣтъ 8, меня начали учить; учила меня грамотѣ сама мать. Но ученіе это, вы можете себѣ представить, на сколько было успѣшно: отъ книжки меня отрывали и посылали въ лавочку за разными мелочными покупками, или еще куда нибудь; я постоянно былъ въ посылкѣ. Мнѣ это нравилось; я пользовался случаемъ побѣгать, поболтаться съ уличными мальчишками. Или же заставляли меня чистить самоваръ, кострули. Последнее мнѣ чрезвычайно не нравилось; отъ этого я удиралъ, и за это меня секли... Въ это время сватался на моей матери теперешній вотчимъ мой Янговскій. Онъто не много и подучилъ меня грамотѣ. Послѣ такого домашняго воспитанія, меня отдали въ уѣздное училище. Здѣсь я поучился не болѣе трехъ мѣсяцевъ; тѣмъ и окончилось мое воспитаніе, уже въ Одессѣ. Очень рано привыкъ я болтаться по городу; сошелся съ подобными мнѣ негодными мальчишками, съ которыми у насъ и началось извѣстнаго рода самообразование. Мы дѣлали всякаго рода шалости, которыя на языкѣ взрослыхъ называются шарлатанствомъ. Съ лѣтами моя наука совершенствовалась. Тутъ я не много послужилъ въ военной службѣ, но это было не по мнѣ; я

вышелъ въ отставку. Трудиться я вовсе не умѣлъ; все время проводилъ въ праздности: по-утру гулялъ до встрѣчи съ пріятелемъ; повстрѣчавшись съ пріятелемъ, заходилъ въ гостинницу поиграть на билліардѣ или въ карты; иногда самъ искалъ такой встрѣчи, и забавлялся съ пріятелями до ночи. Большою частію приходилъ домой въ часъ—два ночи. Выспавшись, по утру опять отправлялся куда нибудь, гдѣ рассчитывалъ провести время пріятно. Ощущая недостатокъ въ деньгахъ, заботился пріобрѣсти ихъ какъ только можно, не разбирая никакихъ средствъ; но отъ посягательства на жизнь — Богъ меня хранилъ. Провождая время въ такомъ образѣ жизни, я не разъ встрѣчался лицомъ къ лицу съ врагами моей свободы; часто я отдѣлывался благополучно, но часто и понадался... Но это вы знаете.

— Скажите же, пожалуйста, и вы находили удовольствіе въ такомъ образѣ жизни; не совѣстно вамъ было жить на чужой счетъ и, конечно, постоянно за то трепетать?

— Помилуйте, да кто же живетъ самимъ собой? Въдъ всѣ живутъ на чужой счетъ! Разница только въ томъ, что ваши честные люди прикрываются благовидностію, а такіе же негодяи, какъ и другіе...

Признаюсь, тяжело было слушать подобнаго рода откровенности; но чтобы снискать довѣріе — нужно было слушать.

Дней за восемь до казни, видя его страданія и трепеть, въ ожиданіи предстоящей участи, при разговорѣ, я спросилъ его:

— Представьте себѣ, Кисилевичъ, что вы какимъ-нибудь чудомъ получаете помилованіе, и васъ совершенно освобождаютъ даже отъ ареста; вы слышите прямо: ну, Кисилевичъ, Богъ съ тобой — иди себѣ на всѣ четыре сто-

роны и будь честнымъ человекомъ! Не правда-ли, вы ужъ послѣ этого постарались бы дѣйствительно быть честнымъ?

— Батюшка, посмотрите на меня: способенъ ли я работать, чтобы быть честнымъ; у меня состоянія такого нѣтъ, чтобы я могъ жить безъ труда; да, право, на чужой счетъ пожить такъ пріятно; притомъ же, развѣ можно быть честнымъ между людьми, когда ни въ комъ не видишь честности? Развѣ, можетъ быть, межъ ангелами можно сдѣлаться честнымъ.

— Но вѣдь вы смѣшиваете тяжкія преступленія съ слабостями и духовными немощами человекъ?

— Все равно; развѣ безчестный гражданинъ не есть грѣшникъ, и напротивъ?...

Доказательства и опроверженія съ обѣихъ сторонъ бывали предметомъ дальнѣйшаго нашего разговора. Ложное направленіе, ложныя убѣжденія — погубили Кисилевича.

Чрезвычайно горевалъ онъ при мысли, что долженъ разстаться съ жизнью, которую такъ любить, и въ такія раннія лѣта.

— Батюшка, вѣдь мнѣ 25 лѣтъ, — подумайте только!

Что онъ умретъ позорною смертію, это его беспокоило очень мало; онъ собственно смерти боялся, а не вида ея. Желая утѣшить его, я старался внушить ему, что для него теперь уже бесполезно предаваться помысламъ объ удовольствіяхъ этой жизни; что ему уже пора позаботиться о неутратѣ, по крайней мѣрѣ, жизни будущей; что настоящая жизнь, хоть бы была и долголѣтна и счастлива, ничто въ сравненіи съ жизнью безконечною будущаго вѣка. При этомъ я старался высказать, сколько могъ убѣдительно, все, что намъ извѣстно изъ откровенія о жизни будущей. Въ заключеніе говорю:

— Повѣрьте, Кисилевичъ, что и для васъ еще не за-
творены врата царствія небеснаго; только *толцъте* съ
вѣрою и съ истиннымъ покаяніемъ, и — онѣ *отверзут-*
ся вамъ.

— Эхъ, батюшка, что мнѣ толеу въ томъ будущемъ,
котораго я не знаю, когда у меня отнимаютъ дорогое мнѣ
настоящее. Хотите, — помѣняемся съ вами ролями: жи-
тесь на мое мѣсто, и идите прямо въ рай, вмѣсто меня; а
я заступлю ваше мѣсто въ этомъ грѣшномъ мірѣ?! Не-
бойсь — не согласитесь! Это было произнесено съ жел-
ною проніей.

Къ матери одинъ только разъ онъ высказался, правда,
въ самыхъ нѣжныхъ чувствахъ; но больше, при воспоми-
наніи о ней приходилъ въ сильнѣйшее ожесточеніе; и
однажды выразился такъ: «попадись теперь мнѣ мать, —
я ей носъ откушу!...»

Тѣмъ не менѣе, съ каждымъ днемъ Кисилевичъ задумывался все болѣе и болѣе. Бывало нерѣдко, пришедши къ нему, съ трудомъ добьешься отъ него слова.

— Теперь я уже хотѣлъ бы не говорить ни съ кѣмъ и никого не видѣть: мнѣ остается жить, быть можетъ, нѣ-
сколько дней; меня разстрѣляютъ, и я пропаду какъ собака.
Да я уже и теперь хуже всякаго звѣря, хуже — чорта;
лучше я уже и быть не могу: такимъ пойду и на
тотъ свѣтъ.

— Зачѣмъ вы такъ думаете о себѣ? вы такой же
человѣкъ, какъ я и другіе; да и у Бога еще милости много
и для васъ; молитесь только, молитесь съ вѣрою въ Го-
спода милующаго, и раскаявайтесь чистосердечно, — и
Господь не отринетъ васъ. Не отчаявайтесь въ милосердіи
Божіемъ.

Тутъ я старался раскрыть предъ нимъ всю бездну милосердія Божія, какъ умѣлъ, съ искреннимъ желаніемъ его обращенія. Мало по-малу, при помощи Божіей, я успѣвалъ въ моемъ желаніи: онъ, по крайней мѣрѣ по видимому, покорялся моимъ убѣжденіямъ, и у насъ завязывался разговоръ. При такомъ случаѣ однажды онъ спросилъ меня:

— Неужели можно ожидать прощенія отъ Бога по одному раскаянію, не заслуживши этого добрыми дѣлами? Это было послѣ отправленія у него въ камерѣ вечерняго правила. Еще большой крестъ на подножіи оставался у него передъ глазами.

— Взгляните, говорю, на Распятаго; за кого Онъ пострадалъ? Не за грѣшниковъ ли? И какими добрыми дѣлами, хотя бы и имѣли ихъ, мы въ состояніи удовлетворить правосудію Божію, прогнѣванному нашими грѣхами, если бы для этого не пролилъ безцѣнной крови Своей за всѣхъ насъ на крестѣ распятый Сынъ Божій? Эта-то кровь Сына Божія примиряетъ съ правосудіемъ небеснымъ и спасаетъ отъ вѣчной смерти и такихъ грѣшниковъ, которые хотя не успѣли принести плодовъ покаянія, но раскаялись чистосердечно. Благоразумный разбойникъ не вошелъ ли въ рай по одной вѣрѣ въ Господа и чистосердечному раскаянію, и когда? — въ послѣднія минуты жизни своей! При этомъ еще я напомнилъ ему блуднаго сына, заблудшую овцу. Кисилевичъ видимо склонялся на мои убѣжденія. Послѣ этой бесѣды, какъ и прежде не разъ, онъ просилъ меня:

— Когда вы получите, батюшка, вѣрное извѣстіе о днѣ моей казни, не скрывайте отъ меня, скажите мнѣ смѣло: я хочу исповѣдаться и причаститься св. Таинъ. Вѣдь я человѣкъ же, у меня есть душа; я понимаю, что я христіанинъ, прибавилъ онъ. И не сердитесь, пожалуйста, на

меня за мои вспышки: вѣдь вы только поймите, что у меня, съ каждымъ біеніемъ сердца, ощущается въ немъ такая боль, какъ будто его уже пронзаютъ пули. Это я только въ состояніи чувствовать, а не говорить. И такихъ пуль я проглотилъ уже не одну сотню тысячъ.

— Да неужели вы вполне убѣждены, что васъ дѣйствительно будутъ стрѣлять? Можетъ быть еще смягчатъ приговоръ, или будетъ только политическая смерть?

— Помилуйте, какая политическая смерть можетъ быть для меня? Знаю я, кого наказываютъ политическою смертію; развѣ у меня одно преступленіе, или меня судятъ за ненамѣренное убійство, или за меня кто ходатайствуетъ? А родственники Дудровичъ развѣ не помогаютъ моей гибели?...

Но вотъ, наконецъ, 11 декабря, къ 10 часамъ ночи, я получилъ официальную бумагу о состоявшемся 10 числа приговорѣ Кисилевичу — казнить его смертію — разстрѣляніемъ, и потому меня приглашали приготовить его къ смерти. Пришедши на другой день къ нему, я, по обыкновенію, предложилъ ему помолиться вмѣстѣ.

— Быть можетъ, говорю, вамъ уже не много осталось жить.

— Да когда-бъ уже скорѣе кончали.

— А готовы вы предстать на судъ Господа? объ этомъ подумайте! Пора вамъ уже забыть все земное. Укрѣпитесь же молитвою, и, я думаю, судя по слабости вашего здоровья, вамъ не мѣшало бы исповѣдаться и причаститься св. Таинъ. Можетъ быть еще протянется ваше дѣло, а если вы отъ душевнаго потрясенія померете безъ покаянія, — на моей душѣ будетъ великій грѣхъ. Я вамъ совѣтую и прошу

помолиться со все́мъ усердіемъ и потомъ исповѣдаться, и, если Богу будетъ угодно, причаститесь св. Таинъ.

— Онъ согласился безпрекословно. Я отслужилъ у него обѣдницу, на которой читалъ евангеліе о блудномъ сынѣ. Послѣ обѣдницы пѣлъ молебенъ съ аваѣистомъ Іисусу Сладчайшему. Кисилевичъ все время молился очень усердно. Уходя, я оставилъ ему часословъ и молитвенникъ для упражненія его въ келейной молитвѣ, и далъ евангеліе въ русскомъ переводѣ. Онъ обѣщалъ мнѣ поддерживать молитвенное настроеніе духа, и даже просилъ исповѣдывать его не въ воскресенье, а въ понедѣльникъ. «Я хочу попостить въ воскресенье и поговѣть». Это было въ субботу. Послѣ все-нощнаго бдѣнія, пришедши къ нему, я читалъ малое повечеріе и канонъ покаянный ко Господу Іисусу, на всенедельной службѣ положенный. При чтеніи этого канона, гдѣ въ трогательнѣйшихъ выраженіяхъ слышится вопль кающагося грѣшника, у Кисилевича вырывались молитвенные стоны изъ глубины души. Но онъ былъ такъ слабъ, что во время совершенія этого правила съ нимъ сдѣлалось два обморока. Въ воскресенье, послѣ обѣдни, я прочиталъ ему евангеліе того дня объ исцѣленіи Іисусомъ Христомъ жены скорченной; при чемъ, предложивъ подробное изъясненіе этого евангелія, изобразилъ предъ нимъ состояніе грѣшника, согбеннаго отъ множества грѣховъ, отъ какого бремени можетъ освободить насъ только Христосъ, къ которому и убѣждалъ его устремить взоры души своей. Во время вечерняго правила читалъ я покаянный канонъ ко Господу Іисусу, начинающійся такъ: *нынѣ приступихъ азъ грѣшный и обремененный къ Тебѣ Владыцѣ и Богу моему... О, горе мнѣ грѣшному: паче всѣхъ человекъ окаяннъ есмь; покаянія нѣсть во мнѣ. Дажде ми Господи слезы,*

да плачуся дль моихъ горько... Кисилевичъ все время молился съ напряженнымъ усердіемъ. Послѣ молитвы онъ просилъ меня остаться при немъ. Тутъ онъ высказывалъ искреннюю признательность къ благотворителямъ, заботящимся о насыщеніи его, и былъ очень веселъ.

— Когда бы уже мнѣ Богъ помогъ отговѣться, говорилъ онъ; до воскресенья еще полежу, и если не будетъ къ этому времени приговора, встану и начну ходить: наскучило уже мнѣ лежать. У меня уже все тѣло одеревенѣло; я уже почти не чувствую наружной боли; только внутри у меня страшно попорчено все — точно перегорѣло. У меня, кажется, уже чахотка

Между прочимъ просилъ меня указать ему, что онъ долженъ читать изъ моихъ книгъ, приготовляясь къ исповѣди и св. причастію.

— Спать мнѣ не хочется, то ужъ кстати — буду молиться. Только (указывая на часовыхъ внутри камеры) вотъ эти приставники мѣшаютъ мнѣ молиться, какъ бы хотѣлъ. А къ чему они? Думаютъ убересть меня и живенькаго выставить подъ пули; хотять варвары напиться моей крови!

Успокоивъ его и назначивъ ему читать каноны Спасителю, Божіей Матери, Ангелу Хранителю и молитвы на сонъ грядущимъ, а изъ евангелія отъ Матѳея главы 24 и 25, я благословилъ его и вышелъ.

Въ понедѣльникъ, пришедши въ казamatъ, я засталъ Кисилевича съ евангеліемъ въ рукахъ. Послѣ утреннихъ молитвъ и потомъ обѣдницы, выславъ изъ камеры причетника и часовыхъ, я остался одинъ и началъ читать чинъ исповѣди. Сознавая всю важность настоящихъ минутъ, и отъ всей души желая примирить Кисилевича съ его совѣстію

и съ Богомъ, я не могъ удержаться отъ внутренняго волненія: слезы у меня полились неудержимо. Кисилевичъ, стоя на колѣнахъ по правую сторону меня, также залился слезами; болѣзненные стоны вырывались изъ глубины кающейся его души. Онъ молился, какъ истинный христіанинъ. Окончивъ молитвы къ исповѣди — молитвою: *Господь Богъ премилостивый да ущедритъ тя; Господь Иисусъ Христосъ всякая прошенія благая да подастъ тебѣ; Господь всемогущій да избавитъ тя отъ всякія напасти; Господь да вразумитъ тя.... Господь да помилуетъ тя въ день судный, и да благословитъ тя во вся дни живота твоего,* — я приступилъ къ самой исповѣди. Съ замѣтнымъ внутреннимъ трепетомъ, на всѣ мои вопросы Кисилевичъ отвѣчалъ или утвердительно или отрицательно; со слезами раскаянія повѣдалъ всѣ тайны души своей, по видимому, искренно сожалѣя о своихъ заблужденіяхъ.... но отъ удушенія Дудровичъ отказался! Всѣ мои убѣжденія были напрасны.

— Богъ тебя осудитъ на страшномъ судѣ на вѣчныя мученія, если ты, сынъ мой, обманываешь меня.

Напомнивъ ему и теперь, какъ прежде, что судъ Божій нерѣдко постигалъ гнѣвомъ своимъ недостойно, въ нераскаянныхъ грѣхахъ, приступавшихъ къ пречистымъ Тайнамъ тѣла и крови Христовой, я еще разъ просилъ его не удерживать въ душѣ своей такого страшнаго грѣха, сознать его предъ духовнымъ отцомъ, пролить слезы раскаянія, — и милость Божія пребудетъ съ нимъ.

— Помни, сынъ мой, что ты готовишься къ смерти; это исповѣдь твоя послѣдняя, и если умрешь съ этимъ грѣхомъ въ душѣ, то ты погибъ на вѣки; не губи же души твоей!

— На моей душѣ будетъ большой грѣхъ, если я скажу, что я удушилъ Дудровичъ. Я не удушилъ ее, и кто сдѣлалъ это преступленіе — я не знаю; это знаетъ Литвиненкова; ее пусть допросятъ получше, она скажетъ — кто; но — не я, не я.

Такъ говорилъ онъ и прежде. Больше мнѣ не оставалось говорить ничего. Въ виду предстоящей ему смерти, и за раскаяніе его во всѣхъ прочихъ грѣхахъ, помолившись, я разрѣшилъ его отъ всѣхъ сознанныхъ имъ грѣховъ и началъ читать молитвы ко причащенію, какъ можно внятнѣе и медленнѣе, чтобы лучше выразить значеніе каждаго слова. Кисилевичъ стоялъ на колѣнахъ и, по видимому, каждое слово отзывалось у него въ душѣ глубокими стонами. Нерѣдко слезы текли по его щекамъ. Окончивъ молитвы, и приготовивъ св. Дары, я возгласилъ: *Со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступи!* Кисилевичъ всталъ, но потомъ, съ крестнымъ знаменіемъ, опять повергся на полъ. Молитву: *вѣрую, Господи, и исповѣдую*, повторялъ за мной слово въ слово, со слезами. Скрестивъ на груди руки, онъ причастился тѣла и крови Христовой — во оставленіе грѣховъ своихъ и въ жизнь вѣчную... Лице его выражало благоговѣніе. Въ это время я молился: да будутъ, Господи, Тайны тѣла и крови Твоя — не въ судъ и не въ осужденіе сего раба Василя, но въ очищеніе и освященіе души его и тѣла, и въ обрученіе будущія жизни. Прочитавъ затѣмъ благодарственныя молитвы по причащеніи и по отпускѣ, осѣняя его крестомъ, я сказалъ ему: отъ всего сердца моего желаю, да пребудетъ отнынѣ въ душѣ твоей миръ, и Господь да не оставитъ тебя Своею благодатію и милостію; поручая тебя Ему, прошу не развлекаться земными помыслами, а стараться провести настоящій день

благоговѣйно, помышля о семь великомъ дарѣ, котораго сподобилъ тебя Господь. И совѣтоваль ему заняться чтеніемъ особенно евангелія.

Для совершенія вечерняго правила въ этотъ день, и потомъ во вторникъ — утренняго и вечерняго, я приходилъ къ Кисилевичу, и во время молитвословія читаль такія мѣста изъ евангелія, которыя наиболѣе приличествовали его положенію. По уходѣ моемъ и самъ онъ, какъ сказывали мнѣ часовые, почти не выпускалъ изъ рукъ евангелія. Но, зная характеръ Кисилевича, я подозрѣваль его въ скорой измѣнѣ такому доброму настроенію духа. Дѣйствительно, наканунѣ казни, послѣ вечерняго правила, негодуя на страшнотомительное положеніе отъ медлительности въ исполненіи приговора, онъ пришелъ въ такое сильное раздраженіе, въ какомъ я еще не видѣлъ его. Я даже сталъ въ оборонительное положеніе. Но у него пересохло въ горлѣ; онъ попросилъ воды. У меня же въ церкви было немного вина; я скорѣй потребовалъ это вино, предложилъ ему и — опять приобрѣлъ его расположеніе. Онъ успокоился и, благодарилъ меня за участіе. Послѣ непродолжительнаго разговора, благословивъ его, я вышелъ. Было 8¹/₄ часовъ вечера.

16 декабря — день казни. Я пришелъ въ замокъ къ 6-ти часамъ. Кисилевичъ еще спалъ. Въ 7 часовъ назначено было тронуться поѣзду отъ замка. Явиться къ нему, какъ обстоятельства того требовали, для совершенія послѣдней Божіей службы, въ полномъ траурномъ облаченіи, — было опасно по причинѣ его слабости; и мнѣ не дозволили этого докторъ и смотритель. Взялся вывести его изъ камеры самъ смотритель. Вошедши къ нему въ 6¹/₂ часовъ утра съ четырьмя конвойными, онъ засталъ его уже неспящимъ.

— Ну, братъ Вася, собирайся—поѣдемъ къ допросу!

Кисилевичъ вскочилъ, тревожно посмотрѣлъ вокругъ, подумалъ немного и спросилъ:

— Куда меня повезутъ?

— Не знаю; приѣхали за тобой изъ военно-судной комиссіи; говорятъ, къ допросу.

— Какой допросъ, какой допросъ? Что вы меня дурачите: меня повезутъ стрѣлять; я это знаю!

— Такъ ли, или иначе — я не знаю; но тебя требуютъ, и я долженъ отдать тебя.

Кисилевичъ всталъ, одѣлся, умылся, не много помолился и— съ замѣчательнымъ присутствіемъ духа совершенно бодро вышелъ въ сопровожденіи смотрителя и конвойныхъ. Въ 8-ми шагахъ отъ выхода, я стоялъ въ траурномъ облаченіи съ крестомъ въ рукахъ, у порога растворенныхъ церковныхъ дверей, мимо которыхъ долженъ былъ проходить Кисилевичъ. Увидѣвъ меня въ такомъ положеніи, онъ содрогнулся; слезы у него брызнули изъ глазъ, и онъ съ душевною скорбію сказалъ:

— Боже мой, мнѣ не дали и помолиться въ послѣдній разъ!

Тужь минуту я взялъ его за руку и ввелъ въ церковь; поставивъ его посреди храма, прямо царскихъ вратъ, я сказалъ:

— Помолимся же, сынъ мой, въ послѣдній разъ Господу въ Его святомъ храмѣ, и да помилуетъ Онъ тебя на судѣ Своемъ.

Кисилевичъ сталъ на колѣна. Трепещущимъ отъ волненія голосомъ прочитавъ нѣсколько молитвъ, я осѣнилъ его животворящимъ крестомъ и произнесъ:

— Благодать Господа нашего Иисуса Христа, любы

Бога Отца и причастіе Св. Духа — да пребудеть съ тобою, сынъ мой, до послѣдняго твоего вздоха, и по исходѣ души твоей!

Горько, горько онъ плакалъ... Облобывавъ св. крестъ, и обратившись ко всеѣмъ окружающимъ съ поклономъ, сказалъ:

— Прощайте люди добрые, и простите меня грѣшника!

Послѣ этого, въ сопровожденіи смотрителя и конвойныхъ, онъ бодро вышелъ изъ церкви, и прошелъ весь дворъ замка. За послѣдними воротами, окруженная жандармами и казаками, уже стояла зеленая карета, готовая принять и не возвратитъ болѣе въ міръ Кисилевича. Толпа любопытныхъ стояла въ ожиданіи. Я предложилъ Кисилевичу — испроситъ прощеніе у предстоящихъ. Глотая навернувшіяся слезы, онъ обратился ко всеѣмъ и, поклонясь, сказалъ: «прощайте добрые люди и простите меня грѣшника!...» Мы сѣли въ карету. Два конвойныхъ и смотритель были уже тамъ. Насъ заперли; поѣздъ тронулся. Кисилевичъ перекрестился и — залился слезами.

— Боже мой, Боже мой, прости меня грѣшника; Боже мой, помилуй меня на судѣ Твоемъ!

— Да не смущается сердце твое; вѣруй въ Бога и Господа нашего І. Христа, пострадавшаго за грѣшниковъ; въ Немъ обрѣтешь ты жизнь вѣчную безъ болѣзни, печали и смерти. Вѣруй въ Него, молись Ему и кайся во грѣхахъ твоихъ: Господь не оставляетъ кающихся грѣшниковъ.

Въ продолженіи пути у насъ шла бесѣда въ этомъ родѣ. Кисилевичъ, съ самыми горькими слезами раскаянія, воилъ къ Богу изъ глубины души о помилованіи его на послѣднемъ страшномъ судѣ. Много разъ подносилъ онъ къ устамъ своимъ бывшій въ моихъ рукахъ крестъ Господень.

Нельзя было при этомъ не плакать вмѣстѣ съ нимъ. Въ это время онъ былъ кротокъ, какъ агнецъ. Поѣздъ продолжался болѣе получаса. Чрезвычайно сильный характеръ Кисилевича, хотя и придавленный сознаниемъ близкой страшной казни, — не могъ еще разъ невысказаться. На половинѣ пути, успокоившись немного, онъ обратился ко мнѣ и къ смотрителю и, еще съ улыбкою, говоритъ :

— Вотъ теперь дайте мнѣ бумажки и карандашъ : съ того свѣта я вамъ и напишу — какъ тамъ ; это ужъ будетъ вѣрно. А то пишутъ о томъ, что на томъ свѣтѣ и какъ, тѣ которые въ глаза ничего тамъ не видѣли.

— Перестаньте шутить ; пора вамъ предаться всей душой Богу.

Кисилевичъ задумался. «О, Боже мой, Боже мой!...» обращаясь потомъ ко всѣмъ намъ, онъ сказалъ съ болѣзненнымъ стономъ : «не поминайте меня лихомъ!...» Между тѣмъ толпа любопытныхъ, сопровождавшихъ его, обратила на себя его вниманіе :

— Вотъ какая мнѣ честь ; сколько пріятелей провожаютъ меня : какъ люди интересуются посмотрѣть на мою кровь!

— Не думайте, говорю я, чтобы это одно и было у нихъ на сердцѣ ; быть можетъ большая часть изъ этихъ людей провожаютъ васъ со скорбію въ душѣ, соболѣзнуютъ вамъ, прольютъ слезы о васъ.

Минуты двѣ спустя, Кисилевичъ опять плачетъ, опять молится, опять лобызаетъ крестъ и, раздирающимъ душу голосомъ, вопить : «Господи, не отвержи меня грѣшника ; Господи, помилуй меня, прости мнѣ грѣхи мои!...» и опять успокоивается.

— Дѣйствительно ли можно мнѣ ожидать милости отъ Бога?

— За чистосердечное твое раскаяніе, за вѣру въ Господа Иисуса, искреннюю твою къ Нему молитву о помилованіи, я, недостойный служитель Его олтара, — возвѣщаю тебѣ, сынъ мой, милость и помилованіе отъ Господа.

И онъ, со слезами, обращая взоры ко кресту, беретъ его изъ рукъ моихъ, и, поднося къ устамъ, молится: «Господи, не погуби меня на судѣ Твоемъ!»

Мы ужъ проѣхали большую половину дороги—садами.

— Вотъ кстати, сказалъ Кисилевичъ, я расскажу вамъ, что мнѣ снилось въ эту ночь. Снилось мнѣ, будто бы я на какомъ то полѣ, именно, кажется, вотъ за этими садами. Поле покрыто роскошною зеленою травой и разными кустарниками. Между этими кустарниками я брожу и вижу на нихъ крупный, но еще твердый крыжовникъ. Этотъ крыжовникъ я срывалъ и ѣлъ; но какъ онъ былъ зеленый, то мнѣ казалось глотать его очень трудно. Вотъ сонъ мой и оправдывается, прибавилъ онъ: сегодня я поглотаю крыжовника свинцоваго. Потомъ еще снилось мнѣ, будто бы все-же на этомъ полѣ, когда я ходилъ между этими кустарниками и срывалъ крыжовникъ, около меня летали какія-то птицы, и какъ бы все хотѣли напасть на меня. Вотъ этого, сказалъ онъ, я уже не понимаю.

Я молчалъ. Смотритель, желая отвлечь его отъ печальныхъ мыслей, замѣтилъ.

— Еще не спѣшите такъ смѣло разгадывать этотъ сонъ; быть можетъ вамъ будетъ смерть политическая.

— Ну, этого ужъ не можетъ быть. Я знаю, что политическою смертію наказываютъ не такихъ преступниковъ, какъ я. Да и для чего меня утѣшаете? Я это чувствую вотъ здѣсь, сказалъ онъ, приложивъ руку къ сердцу. У меня въ груди уже чувствуется смерть.

Между тѣмъ сады мы уже миновали и выѣхали на поле. За туманомъ, сколько ни силился Кисилевичъ, не могъ разглядѣть далѣе ста шаговъ. Новой послѣдней — страшной картины еще не видно было. Тѣмъ не менѣе взоры его слѣдили по направленію бѣгущихъ и ѣдущихъ. Въ это время онъ былъ очень жалогъ.

— Вотъ куда меня завезли; точно боятся, чтобы я не воротился. Напрасное опасеніе! И затѣмъ, обратясь къ смотрителю, съ непринужденнымъ смѣхомъ сказалъ: «вотъ, майоръ, дорога на тотъ свѣтъ; когда захотите умирать, то идите по этой дорогѣ — прямо попадете на тотъ свѣтъ!»

— Покорно васъ благодарю за совѣтъ; но я желалъ бы добраться до того свѣта другимъ путемъ, отвѣтилъ ему смотритель.

Кисилевича начинала бить внутренняя дрожь.

Нагонецъ изъ-за тумана показались ряды войскъ и толпа праздныхъ любопытныхъ зрителей. Увидѣвъ это, Кисилевичъ содрогнулся и опять началъ молиться. Черезъ 3—4 минуты карета остановилась. Онъ глубоко вздохнулъ. Дверцы открылись. Вышелъ я, за мной смотритель и протянулъ руки поддержать Кисилевича; но онъ сказалъ: напрасно, не нужно—я самъ сойду.... По закону, предъ казнію священникъ долженъ обойти съ преступникомъ ряды войскъ. Г. комендантъ указалъ мнѣ пунктъ, съ котораго долженъ начаться этотъ, такъ сказать, предсмертный церемональный маршъ; и я повелъ Кисилевича въ сопровожденіи смотрителя и конвойныхъ... Обходя онъ прощался съ народомъ, кланяясь время отъ времени на стороны. Обошедши, мы остановились въ центрѣ, откуда шагахъ въ 40 видѣнъ былъ роковой столбъ, а за нимъ—могила. Здѣсь прочитанъ приговоръ. Во время чтенія Кисилевичъ слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ,

стоя бодро, но безъ наглости. По прочтеніи у него навернулись на глазахъ обильныя слезы. Я обратился къ нему:

— Ну, сынъ мой, теперь ты слышалъ твой приговоръ; участь твоя тебѣ извѣстна теперь вполнѣ; остается тебѣ умереть и предстать предъ Праведнаго Судію. Вотъ твоя могила; — до нея послѣдній твой путь въ этой жизни. Еще пока остается въ тебѣ духъ — сознай свою вину предъ Богомъ и людьми; не заноси на тотъ свѣтъ грѣха на душѣ; тамъ нѣтъ ужъ покаянія.

— Батюшка, я все вамъ сказалъ, что имѣлъ на душѣ; больше мнѣ нечего открывать. Въ этомъ преступленіи (т. е. за Дудровичъ) я не виноватъ; пусть ее (т. е. Литвиненгову) допросятъ: она должна знать и должна сказать, кто виновникъ; но только знайте, что не я...

— Тутъ онъ вытянулся всей фигурой своей, и, какъ обѣщаль и прежде, хотѣлъ всенародно протестовать, что онъ невинно умираетъ... Я его остановилъ.

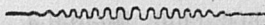
— Полно, говорю; поздно уже; это теперь ужъ нисколько не поможетъ. Тебѣ остается только помолиться въ послѣдній разъ, чтобы Господь простилъ тебя за твои грѣхи и принялъ душу твою съ миромъ. Онъ поникъ головой. Молись же, говорю, вмѣстѣ со мной: Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику; Боже прости мнѣ грѣхи мои; Господи, помини меня во царствіи Твоемъ; Господи, въ ружь Твои предаю духъ мой! Всѣ эти слова Кисилевичъ повторялъ за мной въ слухъ съ горькими слезами, поднявъ руки и взоры къ небу. Я осѣнилъ его крестомъ, и онъ поцѣловалъ крестъ раза три.... Его начали одѣвать въ саванъ. Онъ же, поднявъ руки къ небу, все еще молился, самъ уже, тѣми же краткими молитвами... Его повлекли къ столбу—онъ молился; его привязываютъ — онъ плачетъ и молится... Уже привя-

зываютъ къ столбу, онъ, съ крестнымъ знамениемъ, еще про-
износитъ въ слухъ: «Боже, помилуй меня грѣшника на судѣ
Твоемъ!...» Залпъ выстрѣловъ прерываетъ его молитву... но
послѣ перваго залпа, со стономъ, онъ еще дѣлаетъ движеніе
рукою, какъ бы желая перекреститься.. но ужъ голова по-
висла на право; а тужь минуту слѣдующій второй залпъ
окончательно прервалъ его жизнь.

Судъ человѣческой совершился надъ Кисилевичемъ. Оста-
валось вознести молитвы о помилованіи его на судѣ Божиемъ.
Тѣло опустили въ могилу. Бросивъ горсть земли, я совер-
шилъ литію о упокоеніи новопреставленнаго и прочиталъ раз-
рѣшительную молитву.

Такъ кончилась жизнь молодого человѣка Василя Кисилевича!.. Одаренный отъ природы счастливыми способностями, Кисилевичъ могъ быть полезнымъ членомъ общества: но по недостатку родительскаго надзора и отъ пренебреженія о его воспитаніи онъ слишкомъ рано очутился въ дурныхъ со-
обществахъ; дурныя сообщества повергли его въ ранній развратъ и во всякіе другіе пороки. Несчастный юноша, не снабженный правилами вѣры и нравственности, не знавшій другой цѣли жизни, кромѣ чувственныхъ наслажденій, съ стремительною падалъ ниже и ниже въ бездну зла, до послѣдней крайности, и умеръ на позорномъ столбѣ.

Свящ. Симеонъ Демидовичъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Некрологъ : преосвящ. Израиль, настоятель Шаргородскаго монастыря. — Симбирскъ чрезъ три мѣсяца послѣ пожаровъ.

Въ № 23-мъ «Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» помѣщенъ «некрологъ» преосвященнаго Израиля, бывшаго нѣсколько лѣтъ ректоромъ Херсонской духовной семинаріи и — конечно — памятнаго многимъ изъ херсонскихъ священнослужителей. Для нихъ не излишни будутъ и эти скудныя свѣдѣнія, взятые изъ «некролога» :

«Преосвященный Израиль умеръ 63-хъ лѣтъ *). Вся служба его посвящена была воспитанію духовнаго юношества, начиная съ 1825 до 1859 года. Родомъ былъ изъ орловской епархіи. Обучался сперва въ орловской семинаріи, а потомъ въ кievской духовной академіи, гдѣ, окончивъ курсъ (1825 г.) въ 1-мъ разрядѣ, съ утверженія бывшей комиссіи духовныхъ училищъ, академическою конференціею возведенъ на степень кандидата богословія съ правомъ — чрезъ два года безъ испытанія получить степень магистра, съ одобренія мѣстнаго начальства, опредѣленъ учителемъ словесности при курской семинаріи. Въ той же семинаріи былъ помощникомъ инспектора и членомъ семинарскаго правленія по

*) Въ 8 часовъ утра 11 октября 1864 года, въ Шаргородскомъ монастырѣ, подольской епархіи.

экономической части (1828 г.). Въ 1831 г. поступилъ въ монашество; рукоположенъ во іеродіакона, а потомъ въ іеромонаха и опредѣленъ бібліотекаремъ. Въ 1832 г. опредѣленъ инспекторомъ и исполнялъ должность ректора. За исправное и усердное прохожденіе должностей, на него возложенныхъ, причисленъ къ соборнымъ іеромонахамъ Донскаго ставропигіального монастыря (1833 г.). Въ 1834 году перемѣщенъ инспекторомъ и профессоромъ по классу богословія во владимірскую семинарію; по порученію начальства обозрѣвалъ духовныя суздальскія и шуйскія училища.

«Въ слѣдующемъ 1835 г., съ возведеніемъ въ санъ архимандрита, опредѣленъ ректоромъ калужской семинаріи, настоятелемъ лохвицкаго Добраго монастыря, членомъ калужской консисторіи, цензоромъ проповѣдей и благочиннымъ мужскихъ монастырей калужской епархіи (1836 г.). Былъ членомъ строительнаго комитета, учрежденнаго для перестройки дома калужскаго духовнаго училища (1838 г.).

«Въ калужской семинаріи, въ теченіи 183... г. *), преподавалъ въ воскресные и праздничные дни предъ литургіей катихизическія поученія ученикамъ тамошней семинаріи. Въ 1839 г., за особенную ревность въ исполненіи должности ректора семинаріи, объявлено ему благословеніе Св. Синода, а въ слѣдующемъ 1840 г. Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену Анны 2-й степени. Въ 1842 г. перемѣщенъ ректоромъ въ курскую семинарію и настоятелемъ бѣлогородскаго свято-троицкаго второ-класснаго монастыря, гдѣ возложены были на него должности благочиннаго монастырей курской епархіи и цензора проповѣдей. Въ 1845 г. епархіальнымъ преосвященнымъ объявлена ему признательность за усердіе въ образованіи юношества и указомъ

*) Въ Под. Епар., Вѣд. показанъ 1833 годъ — очевидная опечатка.

Св. Синода перемѣщенъ на настоятельскую вакансію въ рильскій третьеклассный николаевскій монастырь, съ оставленіемъ при немъ лично настоятельской степени второкласснаго монастыря. Въ томъ же году переведенъ ректоромъ въ херсонскую духовную семинарію съ назначеніемъ настоятелемъ одесскаго успенскаго второкласснаго монастыря и членомъ херсонской духовной консисторіи. Въ 1847 г. опредѣленіемъ Св. Синода назначенъ для исправленія священнослуженія и проповѣданія слова Божія въ С. Петербургѣ въ 1848 г., и въ этомъ же 1848 г. перемѣщенъ ректоромъ въ харьковскую семинарію съ назначеніемъ настоятелемъ харьковскаго преображенскаго второкласснаго монастыря. Въ 1851 г. перемѣщенъ въ тифлисскую семинарію ректоромъ и профессоромъ богословскихъ наукъ, съ назначеніемъ настоятелемъ тифлискаго преображенскаго монастыря. Избранъ кавказскимъ отдѣломъ русскаго географическаго и кавказскимъ обществомъ сельскаго хозяйства—дѣйствительнымъ членомъ (1852 г.). Въ 1854 г. Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену Владиміра 3-й степени. Въ 1858 г. опредѣленъ ректоромъ и профессоромъ богословскихъ наукъ въ кievскую духовную академію, а въ слѣдующемъ 1859 г., Высочайше утвержденнымъ опредѣленіемъ Св. Синода, назначенъ епископомъ винницкимъ, викаріемъ подольской епархіи и настоятелемъ шаргородскаго первокласснаго николаевскаго монастыря. За заботливость о воспитаніи студентовъ кievской духовной академіи, въ бытность его ректоромъ той академіи, преподано ему благословеніе Св. Синода. За упраздненіемъ викаріатства подольской епархіи покойный преосвященный управлялъ шаргородскимъ монастыремъ».

Погребеніе усопшаго совершено 13 октября, послѣ литургіи, преосвященнымъ Леонтіемъ, нарочно для того при-

бывшимъ изъ Каменца-Подольскаго. Двадцать паръ священнослужителей участвовало въ послѣднемъ напутствованіи преосвящ. Израиля въ вѣчность. При окончаніи погребенія, преосв. Леонтій сказалъ слѣдующую краткую рѣчь :

«Блаженнi мертвиi, умирающiе о Господѣ; ей, глголетъ Духъ, да почиютъ отъ трудовъ своихъ. Ап. XIV, 13.»

«Всѣ умираютъ по непреложному опредѣленію Божію; но умираютъ о Господѣ только тѣ, кои скончаваютъ дни свои съ вѣрою во Христа Спасителя, съ чистосердечнымъ раскаяніемъ во грѣхахъ своихъ, съ надеждою вѣчной жизни по милосердію Божію, въ общеніи съ Богомъ чрезъ любовь къ нему и приобщеніе съ нимъ въ таинствѣ Евхаристіи. Блаженны таковыя, то-есть истинныя христіане; они успокоятся въ царствіи Отца небеснаго отъ всѣхъ трудовъ, которые понесли въ здѣшной временной жизни — во славу Божію, для пользы церкви, ко благу ближнихъ. Успокоеніе это будетъ состоять въ невозмутимомъ наслажденіи небесными радостями. И какъ оно отрадно для вѣрующихъ труженниковъ земныхъ!

«Особенно отрадно оно для пастырей церкви, ревностно подвизавшихся на поприщѣ своего служенія — въ ученіи, священнодѣйствіяхъ и руководствѣ пасомыхъ ко спасенію. *Человѣкъ раждается, по слову Писанія, на трудъ*; но нѣтъ труда болѣе тяжкаго и болѣе отвѣтственнаго, какъ трудъ пастырей и тѣмъ паче архипастырей, если только бремя его несутъ они не кое-какъ, а съ усердіемъ и по требованію закона. И можно-ли усумниться, что достойныхъ пастырей ожидаетъ блаженная вѣчность по смерти?

«*Ей*, они *почиютъ отъ трудовъ своихъ* въ прискреннемъ общеніи съ верховнымъ Первосвященникомъ, Господомъ Исусомъ. Но на небѣ нѣтъ успокоенія тѣмъ, которые лю-

бять покоиться здѣсь, проводить время въ праздности и въ небреженіи объ исполненіи своихъ обязанностей; вмѣсто блаженнаго успокоенія, ихъ ожидаетъ укоръ совѣсти, отчужденіе отъ Бога, которыя тяжче всякаго труда. Кому много дано, съ того много взыщется. Кому же больше Господь даетъ благодатныхъ даровъ, какъ не намъ пастырямъ? И съ кого поэтому больше взыщется, какъ не съ насъ. Да послужить же это вамъ, отцы и братія, побужденіемъ — трудиться усердно для вѣчно-блаженнаго покоя со святыми!

«Смотря на гробъ сей и обозрѣвая мысленно жизнь усопшаго преосвященнаго, мы съ утѣшеніемъ можемъ сказать, что онъ подвизался подвигомъ добрымъ на поприщахъ дѣятельности въ разныхъ мѣстахъ служенія, а особенно отличался искусствомъ преподавать свящ. истины, какъ наставникъ духовнаго юношества и какъ проповѣдникъ слова Божія. Въ здѣшней обители жилъ онъ уже въ недугахъ тѣлесныхъ; болѣзни видимо сокращали дни его; однакожь онъ не переставалъ трудиться, сколько могъ и какъ могъ; и если бы силы его не ослабѣли, и Господь продолжилъ время жизни его, онъ еще явилъ бы свои труды на поприщѣ архипастырскаго служенія.

«Но Господь назначаетъ каждому предѣлы жизни, — и потому надобно вѣрить, что пришло уже время взять изъ среды живыхъ въ другой міръ и епископа Израиля. Помолимся, отцы-братія, да упокоитъ Господь душу усопшаго въ селеніяхъ праведныхъ, въ сонмѣ святыхъ архипастырей».

Послѣ краткой литіи и возгласенія вѣчной памяти усопшему, тѣло его священно-служителями положено было въ приготовленномъ склепѣ, близъ лѣваго клироса монастырскаго храма.

— Въ № 75-мъ «Современнаго листка» помѣщено лю-

бопытное письмо священника Баратынского, на которое обращаемъ вниманіе нашихъ сослужителей. Вотъ отрывокъ изъ письма:

«Бывши въ Симбирскѣ чрезъ три мѣсяца послѣ пожаровъ, мы имѣли случай удостовѣриться, что погорѣльцы, уповая на милость Бога и великаго Государя, благодарные участіемъ всей святой Руси, безропотно несутъ тяжелый крестъ свой и принимаютъ дѣятельныя мѣры для облегченія своей горькой доли. Надо сказать, что страшную картину разрушенія представляетъ Симбирскъ до сихъ поръ: вмѣсто красивыхъ зданій стоятъ обгорѣлыя церкви и остовы каменныхъ построекъ и трубъ; великолѣпный холодный соборъ стоитъ какъ вѣковая пирамида, въ которой много брешей надѣлала неумолимая рука времени; отъ находящейся въ центрѣ города святой обители Спасскаго женскаго монастыря остались однѣ развалины; деревянныхъ строеній какъ не бывало, только груды кирпича указываютъ мѣста домовъ. На большой улицѣ и вообще около базара въ каменныхъ гостинницахъ, домахъ и лавкахъ кипитъ работа; на кровляхъ стучатъ молотки кровельщиковъ, на дворяхъ визжитъ пила, а въ домахъ кишмя кишатъ плотники. Всюду стукотня и усиленная дѣятельность. Дальше отъ базара дѣятельности меньше, но въ Лосевой и Милліонной улицахъ на заднихъ планахъ виднѣтся много вновь построенныхъ на скорую руку избъ и избенокъ, въ которыхъ пріютились навремя домовладѣльцы; тоже мы видѣли въ Панской и Чебоксарской улицахъ. На переднихъ планахъ до весны строиться не позволено. На прочихъ погорѣвшихъ улицахъ, на которыхъ были по преимуществу дома помѣщичьи, нѣтъ ни жизни, ни дѣятельности, потому что владѣльцы домовъ послѣ такого погрома разѣхались по

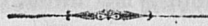
деревнямъ. Нельзя сказать, чтобы плотничныя работы были дороги *), и вѣроятно всѣ домовладѣльцы, имѣющіе хоть какую нибудь возможность, успѣли бы завестись незамысловатыми хатами на зиму, если бы не было недостатка въ лѣсныхъ матеріалахъ, которыхъ небольшіе запасы частью погорѣли, частью раскуплены лицами болѣе предприимчивыми, которые умѣютъ пользоваться всякимъ временемъ, чтобы зашибить копѣйку. Покуплено много избъ по селамъ и деревнямъ; для бѣднѣйшихъ построены теплые бараки; оттепель вообще благопріятствовала кладкѣ печей и штукатурнымъ работамъ, которыя производились дѣятельно до тѣхъ поръ, пока не сковалъ всего 28-градусный морозъ!

Но не смотря на всѣ эти мѣры, погорѣльцы ни въ чемъ такъ не нуждаются, какъ въ помѣщеніяхъ; квартиры дороги до невѣроятности; многіе живутъ и располагаютъ жить всю зиму въ сырыхъ подвалахъ, землянкахъ и даже погребяхъ. Мы сами изъ любопытства входили въ нѣкоторыя изъ этихъ темныхъ, грязныхъ убожищъ, въ которыхъ помѣщаются люди, большею частью не привыкшіе къ грязи и нечистотѣ. Прибавьте ко всему этому сырое дождливое время, благопріятствующее всякаго рода болѣзнямъ, а потомъ морозъ, въ 28 градусовъ, захватывающій дыханіе. Мы слышали отъ одного приходскаго священника, что отъ дурныхъ условій помѣщенія уже начали развиваться въ сильной степени *повальные юрячки*. Нестерпимые холода, начавшіеся съ 14 ноября, могутъ усилить ихъ.

Нельзя кстати не сказать, что болѣе другихъ сословій нуждается въ участіи и пособіи духовенство. Дома духов-

*) Плотники подневно работаютъ по 50 и 40 к., прочіе поденщики по 30 к. Лѣснаго матеріалу ничего нѣтъ; а если и есть у кого, то продается по баснословнымъ цѣнамъ.

ныхъ лицъ были большею частію не застрахованы, а пожитки ихъ были свезены въ подвалы холоднаго собора, гдѣ всѣ погорѣли. Комитетъ, учрежденный для вспомошествованія погорѣвшимъ, входитъ въ ихъ частныя нужды, снабжаетъ теплой одеждой, хлѣбомъ и деньгами; но средства комитета вѣроятно недостаточны для того, чтобы оказывать пособіе въ числѣ прочихъ и погорѣвшему духовенству, или духовенство во всякомъ случаѣ должно питаться скудными силами своего собственнаго организма?! Многіе, которые имѣли возможность и могли располагать собой по собственному произволу, выѣхали изъ Симбирска; лица духовнаго званія, какъ и чиновники всѣхъ вѣдомствъ, не имѣя на то права, принуждены тѣсниться въ кое-какихъ квартирахъ. Но чиновники получили временныя довольно значительныя пособія отъ правительства, нѣкоторые—годовой окладъ жалованья; а бѣдные священники лишились послѣднихъ средствъ къ содержанію!! Странно, что до сихъ поръ ни одна изъ редакцій духовныхъ журналовъ не открыла подписки въ пользу симбирскаго духовенства... *).

*) Такая подписка открыта въ хозяйственномъ управленіи при св. Синодѣ, въ Спб.